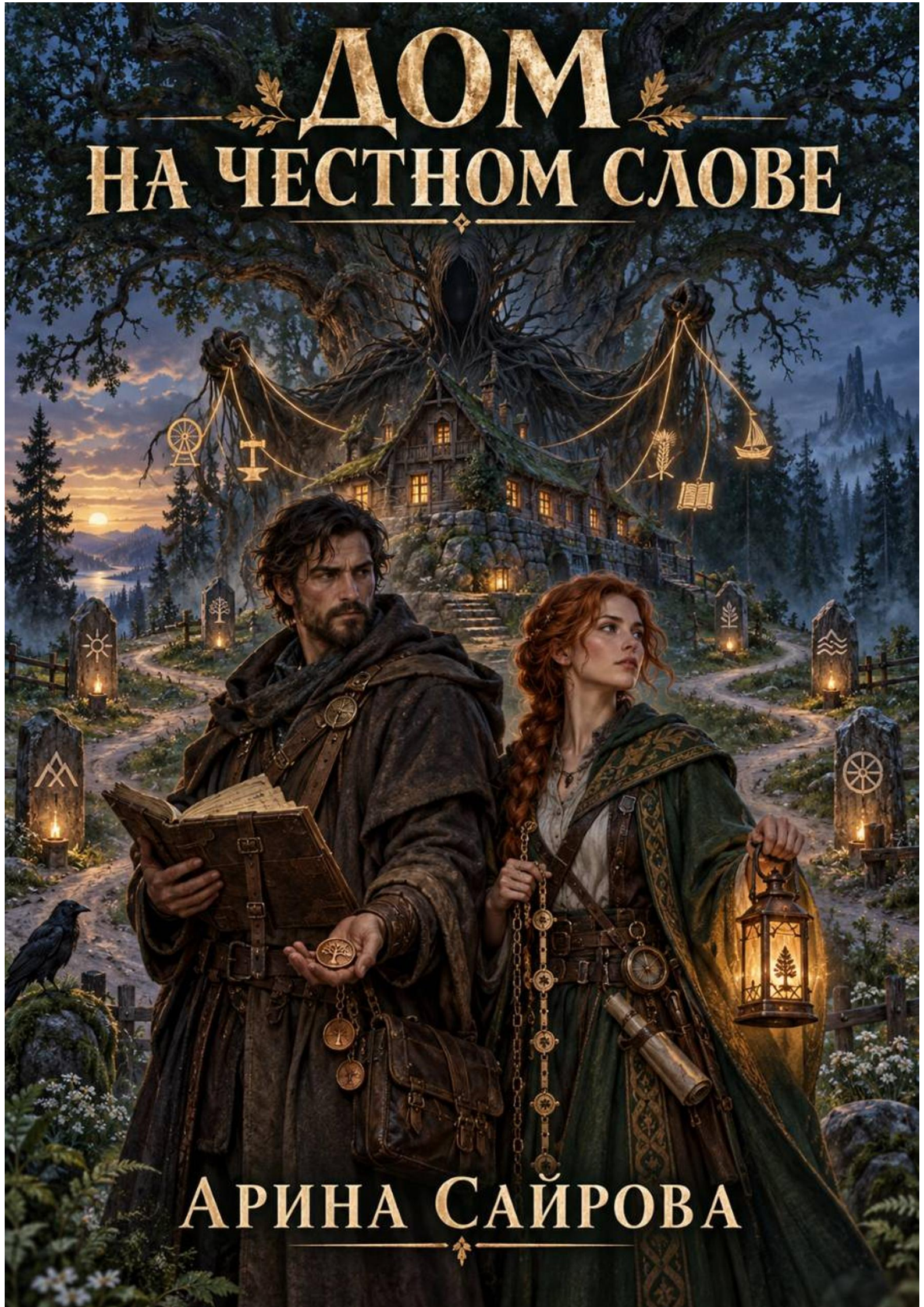

ДОМ НА ЧЕСТНОМ СЛОВЕ

АРИНА САЙРОВА

Арина Сайрова

Дом на честном слове

«Автор»

2026

Сайрова А.

Дом на честном слове / А. Сайрова — «Автор», 2026

Сборщик долгов Яр Невель умеет возвращать людей из Леса Мен, где за короткую тропу, ночлег или еду духи принимают в залог человеческие ремёсла. Он верит: если цена названа ясно и обе стороны согласились, сделка честна. Но однажды Перекрёстный Свидетель предъявляет старый договор на землю под домом Яра — и даёт тридцать дней, чтобы вернуть её вместе со всем, что успело укорениться. Расследуя семейный долг вместе с землемеркой Ладой, Яр узнаёт, что его дом построен вокруг общего умения находить путь, а власть Невелей десятилетиями крепла на неназванных процентах. Чтобы спасти людей, не обманув духа, Яру придётся отказаться от наследственного права, разобрать собственный дом и понять: ясные условия ещё не делают свободным согласие того, кому некуда идти. Самостоятельный фэнтезийный роман о цене помощи, праве на отказ и доме, который держится не на чужом долге, а на честно данном слове.

© Сайрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Человек без умения читать	6
Глава 2. Дом на чужих корнях	14
Глава 3. Право сборщика	23
Глава 4. Девочка, забывшая шить	31
Глава 5. Три условия вслух	37
Глава 6. Тридцать зарубок	45
Глава 7. Мельник без счёта	50
Глава 8. Тропа, которая торгуется	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Арина Сайрова

Дом на честном слове

От автора

Мы часто называем честной любую сделку, в которой условия произнесены вслух. Но достаточно ли ясных слов, если один человек может отказаться, а другому без согласия не дадут еды, дороги или безопасной ночи?

В этой истории магия не исполняет желания бесплатно и не наказывает за тайные мысли. Она слушает только названный обмен. Человек получает тропу, помощь или отсрочку и отдаёт то, что обещал: вещь, работу, время, иногда собственное умение. Духи не обязаны быть добрыми, зато обязаны соблюдать каждое слово. Люди умеют быть милосердными, но нередко прячут жестокость за правильной распиской.

«Дом на честном слове» — роман о цене согласия, семейном наследстве и доме, который нельзя защитить одной лишь уверенностью в своей правоте. Здесь не будет лёгкой отмены всех долгов. Героям придётся различать действительное обещание и чужую выгоду, возвращать взятое руками и оставлять место для отказа.

И если лесная тропа предложит короткую дорогу, прежде чем ступить на неё, стоит спросить не только цену. Стоит убедиться, что вам действительно позволено развернуться.

Глава 1. Человек без умения читать

Буквы на дорожном столбе были вырезаны глубоко, на два пальца, и всё равно Олек смотрел сквозь них, будто видел перед собой только мокрую кору.

— Прочти верхнюю строку, — сказал Яр.

Писарь Ясеней придвинул фонарь. На его большом пальце темнело чернильное пятно, ввевшееся в кожу за двадцать лет службы. Он провёл ногтем по первой букве, потом по второй. Губы зашевелились, но звука не вышло.

— Я знаю каждую, — наконец сказал он. — Вот эта похожа на ворота. Эта на гребень. А вместе... вместе они ничего не делают.

— Не буквы похожи. Ты помнишь, как называл их детям?

— Помню. И как руку держать, помню. И книгу межевых сборов помню всю — какая запись на какой странице. Только открою, а там царапины.

Яр кивнул. Лес взял не память и не зрение. Он взял умение читать — чисто, без лишнего. Такие залогии были опасны именно своей аккуратностью. Человек оставался собой, знал, что потерял, и каждую минуту натывался на пустое место внутри привычного действия.

До Ясеней по прямой было меньше часа. Но прямая дорога закончилась за спиной у Олека, когда тот согласился на помощь дубового придорожника. Теперь между ними и деревней стояли три одинаковых столба, три просеки и туман, пахнувший холодной золой. На каждой просеке лежала свежая хвоя, хотя вокруг росли одни дубы.

Яр снял перчатку и коснулся столба ладонью. Дерево было тёплым.

— Условия, — произнёс он.

Туман между деревьями дрогнул. Из него вышел маленький дух — не выше колена, весь из желудёв, связанных тонкими корнями. Вместо лица у него была гладкая дубовая чашечка. Вчера Олек назвал его мальчишкой в коричневой шапке. Лес любил одевать цену в знакомый вид.

— Условия были названы, приняты и исполнены с моей стороны, — прошелестел придорожник. — Короткая дорога от Каменного Дола до Ясеней. Срок — до первого света. Цена — умение читать три дня. Принимающий повторил.

— Повторил, — подтвердил Олек и стиснул ремень сумки. — Я думал, успею домой до темноты.

— Ты получил короткую дорогу?

— Получил. Она вывела меня сюда за четверть часа.

— Значит, дорога окончилась здесь, — сказал Яр. — А не в Ясенях.

Желудевая голова повернулась к нему.

— До Ясеней, сборщик. Этот столб принадлежит их дороге.

— Столб стоит в лесу.

— По записи на нём — у Ясеней.

Яр посмотрел на вырезанные строки. Верхняя сообщала, что до деревенской межи семьсот шагов. Нижняя предупреждала путника не брать воду из Чёрной лощины. Олек не мог прочитать ни той, ни другой, но дух явно понимал знаки.

— Ты доставил его к надписи, а не к месту, — сказал Яр. — Если считаешь надпись частью Ясеней, значит, признаёшь её смысл. Прочти вслух.

Придорожник затих. Корешки на его плечах медленно шевельнулись, будто ветер перебирал бахрому.

— Я не обязан читать людям.

— Не обязан. Но пока содержание знака не названо, нельзя проверить твоё исполнение. Олек принял короткую дорогу до Ясений, а не до куска дерева, который ты решил считать деревней.

— Ты оспариваешь сделку?

— Проверяю её. Для оспаривания мне нужен владелец залога и запись условий.

Олек вскинулся:

— Я владелец.

— Ты владелец умения. Залог держит лес.

— Какая разница?

— Такая, что из-за неверного слова мы можем прибавить тебе ещё три дня.

Писарь отступил от столба. Под каблуком хрустнула ветка. Звук повторился справа, потом слева, словно кто-то невидимый тоже сделал по шагу.

Яр достал из внутреннего кармана книгу в серой коже. На обложке не было ни имени, ни знака. Он раскрыл её на чистой странице, прижал к сгибу медную полоску и вынул короткое гусиное перо.

— Назови всё по порядку, Олек. Где встретил духа. Что он предложил. Что спросил ты. Что повторил.

— Я уже рассказывал.

— Вчера — жене. Утром — старосте. Мне — по дороге. Ни разу при стороне, которая дала тропу.

— Он же слышал.

— Слышать и подтвердить — разные вещи.

Олек сердито выдохнул, однако заговорил. Вышел из Каменного Дола после полудня. Задержался из-за описи спорного сенокоса. Побоялся ночевать в чужом доме: в Ясенях утром собирался сход, без писаря староста не мог открыть книгу сборов. На развилке увидел мальчика в дубовой шапке. Тот предложил короткую дорогу. Назвал срок залога — три дня с первого света. Назвал цену — умение читать. Олек переспросил, сохранит ли способность писать. Дух ответил: сохранит. Тогда писарь повторил условия и согласился.

Яр записывал, не перебивая. На словах о первом свете перо остановилось.

— Первый свет сегодня уже был, — сказал он. — Три дня начались утром, не вчера вечером.

— Именно так, — подтвердил придорожник.

— Почему ты не вернул Олека на дорогу после исполнения своей части?

— Я дал дорогу до Ясений.

— Ты дал дорогу до столба.

— Столб говорит, что он в Ясенях.

— Тогда прочти.

Дух снова замолчал. На этот раз молчание длилось дольше. Туман за его спиной стал гуще и сложился в белую стену. Яр чувствовал, как лес перебирает варианты, не мысли, а пути: если человек сделает шаг туда, ветка ляжет так; если повернёт обратно, канава станет глубже; если назовёт новую цену, из мха поднимется новый свидетель.

Наконец придорожник прошелестел:

— До межи Ясений семьсот человеческих шагов. Воду Чёрной лощины не брать.

Олек коротко рассмеялся, но смех вышел злым.

— Вот тебе и Ясени.

— Моя дорога короче обычной на четыре тысячи шагов, — сказал дух. — Я исполнил большую часть.

— В договоре не было большей части, — ответил Яр. — Было место назначения. Ты получил весь залог.

— На три дня.

— Весь на три дня.

Он закрыл книгу, оставив перо между страницами.

— Я могу потребовать немедленного возврата как за неполное исполнение. Но тогда ты вправе потребовать назад короткую дорогу. Пройденные шаги не вытащишь из ног. Олек должен будет пройти их сейчас или дать равную замену.

Лицо писаря побледнело.

— Четыре тысячи?

— Не меньше.

— Я не дойду до схода.

— Если потребуешь расторжения — не дойдёшь.

— Значит, лес обманул и всё равно выиграл?

— Нет. Дух назвал цену, ты её повторил. Он ошибся в исполнении, а ошибка тоже имеет цену для обеих сторон. Мы можем потребовать завершить дорогу без нового залога. Тогда твоё чтение останется у него до третьего рассвета.

— Сход сегодня.

— Я знаю.

— Без меня Савр прочтёт людям только то, что ему удобно.

Яр не стал отвечать. Именно поэтому жена Олека пришла к нему затемно, босая, в накинутом поверх рубахи овчинном тулупе. Не потому, что муж заблудился: из Леса Мен люди возвращались и после недели. Её напугало другое — Олек стоял у собственного стола, водил пальцем по спискам и просил её назвать, где чья земля. В Ясенях спорили о новом мостовом сборе. Староста Савр Лот хотел назначить его по дворам, а не по числу телег. Для бедных это было тяжелее. Олек хранил старые решения схода и умел находить в них точные слова.

— Есть третий путь, — сказал Яр.

Придорожник поднял голову. Олек шагнул ближе.

— Какой?

— Не отменять договор и не ждать срока. Выкупить оставшиеся дни равноценной работой.

— У меня ничего нет, — быстро сказал Олек. — Два медяка и хлеб.

— Дух брал не деньги.

— Другого умения я не отдам.

— Я и не предлагаю.

Яр снова коснулся столба. Верхняя строка была старой, потемневшей от дождей. Ниже предупреждения о воде виднелись мелкие царапины — имена, знаки охотников, счётные зарубки. На обратной стороне кто-то вырезал круг, пересечённый косой линией. Могильный знак.

— Это не дорожный столб, — сказал Яр. — Вернее, не только дорожный. Его вытесали из старой кладбищенской ограды.

Олек обошёл столб.

— Откуда здесь могила?

— Не здесь. Вниз по просеке было кладбище до того, как Чёрная лощина наполнилась водой. Когда берег осыпался, ограду разобрали. На таких столбах имена умерших писали со стороны могил, чтобы путник видел только дорогу.

— Я этого не читал в книгах.

— Потому что последнюю книгу старого кладбища съели мыши. Осталась половина листа у Мары.

При упоминании матери Яр ощутил знакомое раздражение. В их доме хранилось слишком много вещей, которые будто случайно не дошли до общинной кладовой: половина кладби-

щенского списка, три карты прежних меж, связка ключей без замков. Отец называл это рабочим собранием сборщика. Мать — памятью рода. Яр всё чаще думал, что правильнее сказать: чужое, которое Невели привыкли держать рядом.

Придорожник подошёл к столбу и приложил к кругу ладонь из корней.

— Имена не прочтены, — сказал он.

— Ты их хранишь?

— Я храню дерево у дороги.

— На дереве долг памяти. Люди обещали перенести знаки, когда кладбище затопило, но не перенесли. Для леса это незавершённая работа?

— Работа названа живыми перед мёртвыми, а не перед лесом.

— Но столбы взяли для дорог Леса Мен.

Маленький дух наклонился, и желуди на его спине тихо стукнулись друг о друга.

— Взяли.

— Тогда предлагаю обмен. Олек перепишет все сохранившиеся имена со старых столбов на камни у новой ограды. За это ты вернёшь ему чтение сегодня, после последнего имени. Предмет — перепись. Срок — до захода солнца. Цена с твоей стороны — оставшиеся дни его умения читать. Без процентов и нового залога.

Олек уставился на него:

— Как я перепишу имена, если не умею читать?

— Я буду читать. Ты будешь писать.

— Ты сказал, кладбище затопило.

— Лощину затопило. Верхний ряд ограды остался на сухом склоне. Если столбы не рас- тащили, там около сорока имён.

— До схода осталось три часа.

— Значит, пиши быстро.

Придорожник провёл корнем по могильному знаку. Из трещины в столбе выступила янтарная капля, застывшая в форме крошечной буквы.

— Я не владелец имён, — произнёс он. — Не могу принять работу за умерших.

— Но можешь принять работу за дерево, которое используешь. Мы не обещаем прощения от умерших. Мы обещаем сделать имена снова читаемыми.

— Камни у новой ограды принадлежат людям.

— Надписи будут видны лесу.

Дух повернулся к Олеку.

— Ты согласен переписать каждое сохранившееся имя без пропуска и заменить ошибочный знак за свой счёт до захода солнца?

Олек открыл рот, но Яр поднял руку.

— Сначала весь договор.

Жёлуди сухо щёлкнули. Придорожник не любил, когда его перебивали, однако подчинился.

— Я завершу короткую дорогу до межи Ясений и после перенесения последнего имени верну умение читать до истечения трёх дней. Ты перепишешь каждое сохранившееся имя со столбов старой ограды на камни новой ограды без пропуска. Срок — до захода солнца. Ошибочный знак заменишь за свой счёт. Иных цен нет.

— А если имя стёрлось? — спросил Олек.

— Сохранившееся имя, — повторил Яр. — Не угадывай. Не дополняй по памяти. Если видна половина, перепиши половину и отметь утрату.

— Это будет считаться?

— Будет, — сказал дух.

— Камень и резец кто даёт?

— Я, — ответил Яр. — Это не часть вашей цены. Я даю их Олеку без обмена.

Писарь посмотрел на него с недоверием, словно бесплатный резец был подозрительнее лесного договора.

— Почему?

— Потому что могу.

— Твой отец так не говорил.

— Договор заключаешь со мной не ты.

Олек сжал губы. Потом повторил условия слово в слово. На последней фразе туман отступил. Три просеки сошлись в одну, и за редкими стволами показалась покосившаяся крыша кладбищенской сторожки.

Придорожник рассыпался желудями. Один остался лежать у сапога Яра. По его боку тянулась светлая нитка — залог Олека. Яр поднял жёлудь, но не спрятал в книгу. Пока сделка не закончена, чужое умение нельзя было уносить от места исполнения.

— Пошли, — сказал он.

Старое кладбище начиналось на склоне. Внизу между голыми ивами блестела чёрная вода. От прежней ограды уцелело семнадцать столбов; ещё девять лежали в траве, оплётённые ежевикой. На каждом со стороны лощины были вырезаны имена. Некоторые читались легко, другие превратились в неглубокие тени.

Олек сел на корточки перед первым и развернул бумагу.

— Диктуй.

— Не на бумагу. Сразу на камень.

— Я писарь, а не каменотёс.

— Писать ты умеешь. Резец держат почти как толстое перо.

— «Почти» — любимое слово тех, кому не держать.

Яр вынул из сумки мешок с резцами. Он брал их, рассчитывая ставить дорожные метки. Олек выбрал самый тонкий, примерился к плоскому камню новой ограды и ударил рукоятью ножа. Резец соскочил, оставив белую царапину.

— Ошибочный знак за твой счёт, — напомнил Яр.

— Это не знак.

— Хорошо. Тогда начинай рядом.

Первое имя было коротким: Рада, дочь Тирова. Второе занимало две строки. Олек работал медленно, морщился от каждого неровного края и дважды просил повторить букву. Он по-прежнему умел писать: рука знала порядок движений, но взгляд не мог проверить их смысл. Закончив имя, писарь видел узор, а не слово.

— Страшно? — спросил Яр.

— Злит.

— Это не одно и то же.

— Страшно будет, если ты ошибёшься, а я не замечу.

Яр прочёл первую надпись вслух. Олек провёл пальцем по бороздкам и кивнул.

Они продвигались вдоль склона. Солнце поднималось, туман распадался клочьями. Несколько раз из леса доносился треск, будто там шли параллельно им, но никто не показывался. На шестом столбе имя оказалось стёрто посередине. Яр различил «Ми...ана», однако не стал подставлять привычное Милана. Продиктовал видимые части и знак утраты. На девятом они нашли детское имя, а под ним две насечки вместо прожитых лет. Олек ударил по резцу слишком сильно, камень раскололся.

— За мой счёт, — сказал он прежде, чем Яр успел открыть рот.

— Новый камень принесёшь после схода. Сейчас перенеси имя на соседний и оставь место.

— А дух не скажет, что работа не закончена?

— Спросим.

Жёлудь на ладони Яра был тёплым. Он поднял его к свету.

— Ошибочный камень заменят завтра до полудня. Имя сейчас будет перенесено на целый. Это завершает сегодняшнюю работу?

Светлая нить внутри шевельнулась.

— Завершает, если место ошибки отмечено.

Олек вырезал маленький крест у раскола и продолжил.

К полудню пальцы у него покрылись волдырями. Яр предложил ткань, но писарь отказался: боялся потерять точность. Они разделили хлеб, залили его водой из фляги. К Чёрной лошине не спускались. Предупреждение на столбе существовало не зря, и проверять его цену Яр не собирался.

— Ты всегда так работаешь? — спросил Олек с набитым ртом. — Ищешь, что духу нужно, потом заставляешь должника это делать?

— Не всегда духу. Иногда дороге. Иногда человеку, который дал вещь. Иногда никому уже ничего не нужно, и тогда остаётся срок.

— А твоя плата?

— Два медяка за дорогу сюда и один за запись.

— У меня два.

— Значит, запись заплатят Ясени.

— Савр не заплатит.

— Тогда в книге будет долг общины.

Олек усмехнулся:

— Всё-таки долг.

— Работа тоже чего-то стоит.

— А если я скажу, что не просил тебя записывать?

— Тогда не заплатишь. Я записываю для себя.

Писарь перестал жевать.

— Вот так просто?

— Отказ должен что-то значить, иначе это не согласие.

Яр произнёс привычные слова и вдруг услышал в них отцовский голос. Игнат Невель тоже говорил об отказе. Только всегда добавлял: человек волен не соглашаться и остаться в лесу. В детстве эта фраза казалась Яру доказательством порядка. Теперь он подумал о жене Олека, прибежавшей затемно, о сходе без писаря и о том, сколько свободы оставалось у человека между потерей чтения и ночной чашей.

Он отогнал мысль. Сегодня договор был ясным. Олек сам попросил короткую дорогу, сам переспросил о письме, сам повторил цену. Если начать объявлять недействительным всякое решение, принятое в страхе или спешке, половина дорог рассыплется, а люди перестанут доверять слову. Яр знал это так же твёрдо, как собственное имя.

И всё же вопрос остался.

Последний столб лежал у самой воды. Чтобы прочитать внутреннюю сторону, пришлось привязать верёвку к иве и спуститься по скользкой глине. Яр велел Олеку ждать наверху. Внизу пахло железом и прелыми листьями. Чёрная вода подбиралась к сапогам, хотя ветра не было.

На дереве сохранились четыре имени. Под ними кто-то позже вырезал знак Невелей — две перекрёщённые дороги в медном круге.

Яр очистил бороздки ножом. Рядом со знаком шла мелкая строка, почти скрытая плесенью:

«Свидетельствовал Игнат Невель. Имена приняты вместо платы».

Он перечитал дважды.

— Что там? — крикнул Олек.

— Четыре имени.

— И всё?

Яр потёр большим пальцем отцовский знак. Игнат умер семь лет назад. В его книге не было ни Чёрной лощины, ни кладбищенских столбов. Если он принял имена вместо какой-то платы, обязан был записать, чью цену они заменили и на какой срок. Без этого фраза ничего не доказывала. Или доказывала слишком многое.

— Есть старая приписка, — ответил Яр. — Сначала имена.

Он продиктовал их навёрх. Олек выбивал буквы, и удары разносились над водой. Когда прозвучал последний, жёлудь в руке Яра раскололся. Из него вытянулась светлая нить, пролетела вверх по склону и коснулась глаз писаря.

Олек вскрикнул и выронил резец.

— Рада, дочь Тирова, — прочёл он на первом камне. Потом второй, третий, всё быстрее. — Вернулось.

Просека за кладбищем выпрямилась. Между деревьями показались крыши Ясений и дым над площадью. До схода оставалось меньше часа.

Яр вырезал ножом отцовскую строку на отдельной дощечке, точно сохраняя каждую букву. Потом вернулся к Олеку.

— Теперь условия завершены, — сказал он лесу. — Короткая дорога доведена до межи. Имена перенесены. Умение возвращено.

Из травы ответил шелест:

— Завершены.

— Без остатка?

— Ошибочный камень заменить завтра до полудня. Иных цен нет.

Олек повторил это, уже читая запись Яра. Затем поднял глаза:

— Что принял твой отец?

— Пока не знаю.

— Ты ведь не любишь таких ответов.

— Поэтому и не стану придумывать удобный.

Они вышли к деревенской меже. Там их ждала женщина в сером дорожном плаще. Она поставила на землю связку межевых колец, распрямилась и посмотрела сначала на Олека, потом на Яра. На поясе у неё висела мерная цепь, а под мышкой — книга границ с красными кожаными уголками.

— Наконец-то, — сказала Лада Ресна. — Я уже решила, что лес оставил Ясени без единственного человека, который читает старые решения.

— Уже не оставил, — ответил Олек. — Я успею на сход.

Он поспешил к площади, на ходу разминая пальцы. Лада проводила его взглядом и протянула Яру свёрнутый лист.

— А ты, похоже, успел заработать ещё один долг.

— Камень. Завтра заменят.

— Я не о камне.

На листе была копия межевой записи. Яр узнал почерк Лады: прямой, без украшений, все числа раскрыты словами. Внизу стояли три старые печати, одна почти исчезла. Четвёртый знак был свежим — ветка, разделённая надвое.

— Где ты это взяла?

— Под северным порогом твоего дома. Пришлось поднять плиту. Твоя мать не возражала, пока не увидела оборот.

Яр перевернул лист. Там шли четыре строки договора. Земля от старой межи до корней белого вяза передавалась Невелям на срок пользования общим путём. Когда путь будет потребован назад, земля подлежала возврату вместе со всем укоренённым на ней.

— Белого вяза давно нет, — сказал Яр.

— Пень есть. Я нашла годовые кольца и старый межевой гвоздь.

— Дом стоит восточнее.

— Нет.

Одно короткое слово прозвучало тяжелее обвинения. Лада никогда не смягчала границу ради человека по одну её сторону.

За её плечом, в тени двух дорог, кто-то высокий сложился из корней и дорожной пыли. Сначала появились пустые рукава, потом плечи, потом гладкое лицо без глаз. Перекрёстный Свидетель держал в длинных пальцах узкую деревянную дощечку. На ней темнела печать Невелей.

Яр машинально коснулся медного знака под рубахой.

— Сборщик, — произнёс дух. Голос пришёл сразу с обеих дорог. — Общий путь потребован назад.

Он протянул дощечку.

— Через тридцать дней верни землю и всё, что на ней укоренилось.

Яр не взял расписку сразу. Посмотрел на Ладу, на её мерную цепь, на ровные строки копии. Потом на дощечку с печатью своего рода.

У него за спиной Олек уже звонил в колокол, созывая людей на сход. Возвращённое умение служило деревне. Перед Яром стоял другой долг — старше его, дома и отцовской книги.

— Назови предмет, срок и цену полностью, — сказал он.

Перекрёстный Свидетель наклонил безликую голову.

— Именно за этим я пришёл.

Глава 2. Дом на чужих корнях

Перекры́стный Свидетель не повторил требование. Он ждал, пока Яр возьмёт дощечку, а две дороги за его спиной медленно менялись местами.

Слева Яр видел площадь Ясеней, куда спешил Олек. Справа — свой дом, хотя до него было три часа пешком. Дом стоял под вязом, каким Яр помнил его в детстве: дерево ещё было живо, ветви лежали на крыше, а над трубой кружили белые искры. Видение было таким ясным, что хотелось шагнуть через канаву и оказаться у крыльца.

Лада бросила на дорогу горсть мела. Белые крупинки упали на землю и не исчезли.

— Не ходи, — сказала она. — Это не расстояние. Он показывает предмет договора.

— Я знаю.

— Тогда перестань подаваться вперёд.

Яр выпрямился. Свидетель протягивал расписку всё так же терпеливо. Его рука была длиннее человеческой, сплетённой из тёмных корешков. Между ними сыпалась сухая земля, но до дороги не долетала.

— Сначала условия, — повторил Яр. — Полностью.

— Предмет: земля от старого северного камня до корней белого вяза, затем на восток до русла прежнего ручья и на юг до дороги утонувших колоколов. Вместе с землёй возвращается всё, что на ней укоренено и не может быть отделено без утраты своей сути.

Лада раскрыла книгу границ. Палец её двигался по строкам вслед за голосом духа.

— Срок? — спросил Яр.

— Тридцать дней от сегодняшнего полудня. В последний день, когда тень белого вяза должна была бы коснуться северного камня, земля переходит под хранение Леса Мен.

— Вяза нет.

— Место корней сохранилось. Тень определяется по записи землемера.

Лада подняла глаза.

— Определяется. Угол солнца и высота дерева указаны на обороте первой копии.

Яр взял дощечку двумя пальцами. Она оказалась тяжёлой, словно была не из дерева, а из сырой глины.

— Цена.

— Цена уже уплачена лесом сто восемьдесят шесть лет назад. Я провёл жителей Старых Бродов через огонь по безопасной дороге. Они передали твоему предку общее умение находить выход и разрешили поставить хранителя у дороги. Твой предок передал мне землю на срок пользования этим умением. Теперь общий путь потребован назад. Ты возвращаешь землю и укоренённое. Я возвращаю расписку исполненной и не предъявляю нового требования за прошедшее пользование.

— Кто потребовал общий путь назад?

— Наследники тех, кто его передал.

— Имена.

— Будут названы при проверке права требования.

— Сейчас.

— Это не условие принятия расписки.

— Тогда я не принимаю.

Пустые рукава духа качнулись. Видение дома справа погасло, остался лесной проход, полный пыли.

— Ты уже сторона договора, Яр Невель. Принятие уведомления не создаёт долг.

— Но подтверждает, что мне сообщили всё необходимое для исполнения. Без имён требующих я не могу проверить их право.

— Можешь. На шестой дороге хранится запись общего пути.

— Дай доступ.

— По праву сборщика ты имеешь доступ к просроченным залогам, но не к исполненным договорам умерших.

— Значит, предлагаешь поверить тебе.

— Я не лгу.

— Не лжёшь, — согласился Яр. — И придорожник не лгал, когда говорил, что доставил Олека к Ясеням. Он просто назвал столб деревней.

Лада закрыла книгу с тихим хлопком.

— Тебе сообщили достаточно, чтобы начать проверку земли, — сказала она. — А право требования можно проверять отдельно. Возьми расписку. Иначе через месяц ты заявишь, что не знал срока, а Свидетель ответит, что ты отказался слушать.

— Я такого не заявлю.

— Я знаю. Но свидетелей здесь трое, и один из них — я.

Яр посмотрел на дощечку. На лицевой стороне стояла печать Невелей: две перекрещённые дороги в круге. На обороте была вырезана ветвь с тридцатью листьями. Первый лист уже потемнел по краю.

— Я принимаю уведомление, — сказал он. — Не признавая права названных наследников до проверки и не соглашаясь с составом укоренённого имущества.

— Услышано, — ответил дух.

Яр повторил предмет и срок. Цену он повторять не стал: она относилась к старому договору, а не к новому обмену. Свидетель не возразил. Когда дощечка легла в ладонь, дороги снова стали обычными. До дома теперь было три часа.

У самой межи из земли поднялся тонкий побег. На нём висели тридцать маленьких листьев, зелёных и блестящих, как после дождя.

— Это что? — спросила Лада.

— Счёт срока.

— В договоре не было ветви.

— Она ничего не берёт и не даёт. Напоминание.

— Напоминание тоже может менять поступки.

— Ты предлагаешь оспорить листья?

— Предлагаю записать, когда они появились и что сказал дух.

Она уже раскрывала книгу. Яр усмехнулся против воли.

— Ты носишь отдельное перо для недоверия?

— Нет. Для него пришлось бы возить гуся.

Лада записала время, место и число листьев. Потом обвязала ветвь красной нитью, чтобы никто не принял её за сорняк. Свидетель наблюдал, не двигаясь.

— До последнего дня, — произнёс он.

— Ты придёшь к дому? — спросил Яр.

— Я уже у него.

Дух рассыпался дорожной пылью. Порыв ветра понёс её в разные стороны.

Яр и Лада пошли к площади. В Ясенях гудел сход, из открытых окон общинного дома вырывались голоса. Олек успел: над толпой мелькала его чернильная рука, державшая лист старого решения. Яр остановился у колодца, но Лада потянула его за рукав.

— Не сейчас. Если войдёшь, Савр заставит тебя объяснять мостовой сбор до вечера.

— Он заплатит за работу писаря?

— Если Олек прочтёт нужную строку, у Савра будет достаточно других забот.

— Тогда домой.

— Сначала к северному камню.

— Он в часе от дома.

— Именно поэтому сначала к нему. Ты уже решил, что межа проходит восточнее кухни. Я не хочу три часа спорить с твоей памятью, а потом возвращаться.

Они вышли из Ясеней по старой дороге. Лада несла цепь на плече. Каждый десяток саженей она останавливалась, сверяла направление по зарубкам на придорожных вязах и ставила мелом точку на камне. Яр шёл быстрее, затем ждал. На третьей остановке он не выдержал:

— Ты мерила вчера.

— Вчера я мерила одна. Сегодня показываю тебе.

— Я верю твоей записи.

— Нет. Ты надеешься, что я ошиблась.

— Разве это преступление?

— Нет. Но надежда плохо держит мерную цепь.

Северный камень лежал в зарослях орешника. Со стороны он казался обычным валуном, наполовину ушедшим в землю. Лада расчистила мох и показала железный штырь, забитый в гранит. На шляпке сохранилась та же ветвь, что на дощечке Свидетеля.

— Старый знак лесной межи, — сказала она. — Отсюда до пня белого вяза семьсот тридцать две сажени и два локтя.

— В копии семьсот тридцать.

— Деревья растут не по линейке. Два локтя укладываются в ширину корней.

Она закрепила кольцо цепи на штыре и протянула Яру свободный конец.

— Держи.

— Я не землемер.

— Сегодня будешь столбом.

Они мерили участок за участком. Цепь цеплялась за кусты, проваливалась в ручьи, звенела о камни. Лада записывала уклон и поправку на склон. Яр поначалу считал шаги про себя, проверяя её. Потом сбился и сосредоточился на метках. Старые зарубки вели не туда, куда он ожидал. Граница не огибала усадьбу Невелей. Она шла прямо к ней.

У пня белого вяза Лада натянула цепь и поставила кол.

Дом Яра виднелся между деревьями. Высокая крыша, два окна верхнего этажа, широкий каменный низ. Северная стена стояла по одну сторону воображаемой линии, южная — по другую.

— Межа режет дом, — сказал Яр.

— Кухню, лестницу и твою комнату. Спальня Мары остаётся на общинной земле.

— Удобно.

— Для кого?

— Для договора. Он сможет забрать половину дома и назвать её всем укоренённым.

— Дом нельзя разделить без утраты сути. Значит, спор будет о целом.

Яр потянул цепь на себя. Кол не сдвинулся.

— Если перенести его на три сажени...

— Не договаривай.

— Я не собирался просить тебя лгать.

— Собирался проверить, предложу ли я сама.

Он отпустил цепь.

— Не предложишь.

— Поэтому и работаешь со мной.

— Я с тобой не работаю. Ты пришла мерить мой дом.

— Тогда поэтому ты не прогнал меня вчера.

Яр нагнулся к пню. Белый вяз срубили, когда ему было десять. Дерево засохло после грозы, и отец велел пустить ствол на новые балки. Яр помнил, как Игнат стоял на крыше, голый

по пояс, и втягивал верёвками белёвые брёвна. Если лес считал укоренённым всё, что нельзя отделить без потери сути, балки могли связать дом с землёй дважды: как часть строения и как дерево с договорной границы.

— Где старые балки? — спросила Лада, угадав направление взгляда.

— В крыше. Три продольные.

— Из этого вяза?

— Да.

— Запишем.

— Не торопись помогать Свидетелю.

— Если скрыть балки, они не исчезнут. А если назвать сейчас, можно спорить, считаются ли они частью земли или уже платой человеческому труду.

Дом встретил их закрытой дверью. Яр нажал ручку, но засов не поддался.

— Мама! — крикнул он.

Внутри что-то стукнуло. Потом слышались шаги, слишком лёгкие для Мары. Дверь распахнулась, и на пороге оказался мальчик лет двенадцати с охапкой поленьев.

— Тётя Мара на чердаке, — сообщил он. — Велела никого не пускать.

— Тебя как зовут?

— Нор.

— А тебя она пустила.

— Я дрова принёс.

— Бесплатно?

Мальчик замялся.

— За пирог.

— Значит, не бесплатно. Иди на кухню, получи пирог. Сделка исполнена.

Нор юркнул внутрь. Яр придержал дверь для Лады.

— Ты и с детьми так разговариваешь? — спросила она.

— Особенно с детьми. Они должны знать, что им обещали.

— Он знал. Просто боялся, что ты отберёшь пирог за дрова.

В кухне пахло яблоками и горячей золой. Нор уже сидел за столом, держа пирог обеими руками. Мара стояла у лестницы, с волос сыпалась пыль.

— Я велела тебя не пускать, — сказала она мальчику.

— Он хозяин.

— Именно поэтому.

Мара посмотрела на дощечку в руке сына и побледнела, но не отступила.

— Он всё-таки пришёл.

— Ты знала, что придёт?

— Знала, что может.

— Сколько лет?

— С тех пор как умер отец.

— Семь лет ты знала, что земля спорная?

— Я знала, что под порогом лежит договор. Это не одно и то же.

Лада поставила цепь у стены.

— Договор действителен, Мара.

— Ты землемер, а не судья.

— Поэтому говорю только о границе и печатях. Земля описана достаточно точно. Печати подлинны. Исполнение леса отмечено тремя свидетелями.

— Мёртвыми свидетелями.

— Смерть не стирает запись.

Мара перевела взгляд на сына.

- Ты привёл её в дом после этого?
- Она пришла проверить, что считается укоренённым.
- Всё, что здесь есть, построили Невели.
- Из чего?
- Из камня и дерева, как любой дом.
- Из белого вяза тоже?

Мать сжала губы.

Нор перестал жевать. Яр повернулся к нему:

— Пирог получил?

— Получил.

— Тогда иди домой. И никому не рассказывай то, что услышал здесь, до вечернего колокола.

— Это условие?

Лада тихо фыркнула. Мара закрыла глаза.

— Нет, — сказал Яр. — Просьба. Можешь отказаться.

— А если соглашусь, что получу?

— Моё спасибо.

Мальчик подумал.

— Мало.

— Тогда иди без обещания.

Нор завернул остаток пирога в тряпицу и выбежал. Дверь за ним хлопнула.

— Хоть один человек в этом доме умеет торговаться, — заметила Лада.

— Не смешно, — сказала Мара.

— Мне тоже.

Они начали с фундамента. Каменный низ был сложен без раствора, но за годы плиты срослись корнями мелкого кустарника. Лада простукивала их молотком, отмечала трещины. Яр показывал, какие стены появились позже, где отец расширил кладовую, где заменили сгнившие венцы. Мара ходила следом и на каждый вопрос отвечала так, будто защищала крепость.

— Этот очаг можно разобрать, — сказала Лада.

— И сложить снова? — спросил Яр.

— Можно, но тяга изменится. Суть очага — не камни, а то, как он работает в доме.

— Значит, укоренён.

— Возможно.

— Не пиши «возможно» так радостно.

— Я всегда радуюсь точному слову.

У лестницы цепь показала границу. Один столб стоял на договорной земле, второй — на общинной. Яр поднялся на ступень и почувствовал под подошвой слабую дрожь.

— Стой, — сказал он.

Лада замерла.

— Что?

— Дом переставил дверь.

Вход в кладовую обычно находился под лестницей. Теперь там была глухая стена, а дверь виднелась в конце коридора, где прежде висели зимние плащи.

— Я думала, Мара говорила образно, — сказала Лада.

— Я никогда не говорю образно о дверях, — отрезала Мара.

Яр спустился и открыл новую дверь. За ней оказалась та же кладовая: мешки муки, бочка соли, полки с сушёными грибами. Но внутренней стене не хватало места. Снаружи за ней начинался двор.

Лада вынула отвес, приложила нить к косяку.

— Пространство изменилось?

— Путь, — сказал Яр. — Дом меняет путь внутри себя.

— Часто?

— Когда нужно. Если мать ночью идёт к кухне, дверь оказывается ближе. Если я ищу старую книгу, дальше.

— Потому что ты плохо просишь, — сказала Мара.

— Ты знала, откуда это умение?

Мать отвернулась.

Яр вошёл в кладовую. Лада шагнула за ним, и дверь захлопнулась. В темноте заскребло дерево.

— Не двигайся, — сказал он.

— Почему?

— Дом иногда меняет пол вместе с дверью.

— Предупреждать надо до шага.

Яр нащупал полку и нашёл огниво. Искра осветила лицо Лады совсем близко. Он зажёл свечу. Кладовая вытянулась в узкий проход, которого не могло быть внутри дома. Пол уходил вниз, стены были сложены из старых досок с вырезанными на них именами дорог.

— Это не кладовая, — сказала Лада.

— Уже нет.

— Куда ведёт?

— Дом считает, что нам сюда.

— А ты всегда слушаешь дом?

— Нет. Поэтому он и прячет от меня книги.

Сзади Мара ударила в дверь.

— Яр! Не ходи!

Лада подняла свечу. В конце прохода стоял сундук Игната Невеля, который после его смерти так и не нашли. Медные накладки позеленели, на крышке лежал толстый слой пыли. Перед сундуком из пола рос белый корень.

Яр сделал шаг. Корень обвился вокруг его сапога, не сжимая, только удерживая.

— Цена, — сказал дом голосом, похожим на скрип балок.

Лада вытащила нож.

— Не режь.

— Он тебя держит.

— Пока спрашивает.

— Дом умеет говорить?

— Одно слово за раз. Иногда два.

Корень потянулся к Ладе, коснулся её мерной цепи.

— Цена, — повторил дом.

Яр присел и положил ладонь на доски.

— Что ты даёшь?

Стены застонали. Крышка сундука приподнялась на толщину пальца.

— Книгу.

— Какую?

— Отца.

— Всю книгу без скрытых листов и запертых записей?

Тишина.

— Всю? — повторил Яр.

Крышка опустилась.

— Вот и ответ, — сказала Лада.

— Дом не лжёт. Но умеет недоговаривать.

— Семейная черта?

Яр посмотрел на неё. В тесном проходе это вышло слишком резко. Лада не отвела глаз.

— Прости, — сказала она. — Не время.

— Наоборот. Самое время. Если хочешь быть независимым свидетелем, не береги меня от точных слов.

Он снова обратился к дому:

— Что ты хочешь за доступ к сундуку и каждой вещи внутри?

Белый корень отпустил сапог, пополз к его ладони и коснулся медного знака под рубахой.

— Право.

Яр медленно выпрямился.

— Моё право сборщика?

— Право.

— На какой срок?

— Навсегда.

— Нет.

Корень ударил по полу. Свеча погасла. Проход накренился, и Яр плечом врезался в стену. Лада схватила его за локоть. В следующий миг дверь распахнулась, выбросив их обратно в кухню.

Мара стояла у очага с кочергой.

— Я же сказала не ходить.

— Потому что знала цену? — спросил Яр.

— Потому что твой отец спрятал книгу от любого Невеля, который не готов оставить ремесло.

— Зачем?

— Он считал, что знание без власти бесполезно, а власть без тайны недолговечна.

— Красивые слова. Что в книге?

— Не знаю.

— Ты семь лет живёшь рядом и не знаешь?

— Дом предлагал мне другую цену.

— Какую?

Мара коснулась губ.

— Голос.

Яр почувствовал, как злость остывает, уступая чему-то тяжелее. Мать любила петь. Не для гостей — за работой, когда замешивала тесто или перебирала травы. После смерти отца она не пела целый год, а потом однажды запела так громко, что соседи подумали о празднике. Если дом просил голос, он знал, куда бить.

— И ты отказалась.

— Конечно.

— Почему не сказала мне о сундуке?

— Потому что ты бы начал торговаться.

— Начал.

— И однажды согласишься, если решишь, что внутри спасение.

Лада наматывала отвес на ладонь. Лицо её стало бесстрастным, как во время измерений.

— Дом сам заключает обмены, — сказала она. — Значит, он не просто имущество.

— Не смей записывать его живым существом, — сказала Мара.

— Я этого не сказала. Мельница принимает зерно и отдаёт муку, но не становится человеком. Мне важно другое: если дом хранит и использует умение находить путь, то суть дома связана не с камнями и балками. Его нельзя просто перенести, сохранив прежнее свойство.

— А значит, Свидетель потребует целиком, — сказал Яр.

— Потребуется. Получит ли — другой вопрос.

Снаружи ударил колокол. Не сходный, частый, а один тяжёлый удар. Затем второй.

Яр вышел на крыльцо. У межевого кола, поставленного Ладой, из земли уже тянулась ветвь с листьями. Та самая или другая — понять было невозможно. Первый лист пожелтел и упал, хотя со срока не прошло и половины дня.

— Он сказал тридцать дней от полудня, — произнесла Лада за его спиной.

— Полдень прошёл.

— Значит, лес считает неполный день первым.

— В договоре это названо?

— Нет.

Яр поднял лист. На нём проступили мелкие буквы: «День принятия».

— Напоминание, — мрачно сказал он.

— Которое толкует срок в свою пользу.

Мара вышла к ним, накинув платок.

— Сожги ветку.

— Тогда мы уничтожим запись, — ответил Яр.

— Это не запись. Угроза.

— Если она ничего не меняет, пусть стоит. Если меняет, нужно узнать как.

Он воткнул упавший лист в щель дощечки Свидетеля и убрал её в книгу. Потом осмотрел дом: каменный низ, белёные балки под крышей, дверь, которая могла вывести не туда, куда была поставлена. Всю жизнь Яр считал его самым неподвижным местом в округе. Оказалось, дом держался не только на фундаменте, но и на чужом умении, старом сроке и молчании родителей.

— Мне нужны копии всех межевых записей, — сказал он Ладе. — Старые и новые. И карта прежнего ручья.

— Получишь утром.

— Сегодня.

— Сегодня я должна закончить опись дома.

— Мы уже знаем главное.

— Нет. Мы знаем, что он торгуется и переставляет двери. Ещё не знаем, где кончается его суть.

Яр посмотрел на мать.

— А ты расскажешь всё, что помнишь об отцовской книге.

— Я сказала: не знаю, что внутри.

— Тогда расскажешь, когда появилась дверь к сундуку, что дом просил раньше и почему отец решил прятать записи. Не ради меня. Ради того, чтобы через двадцать девять дней у нас было из чего выбирать.

Мара крепче затянула платок.

— Дом наш.

— Я тоже так думал.

— Думаешь, дощечка духа меняет правду?

— Нет. Но правда может быть старше нас.

Ветвь у кола шевельнула двадцатью девятью листьями. За открытой дверью дома коридор был прямым и знакомым, однако Яр больше не доверял ни одной его стене.

Он переступил порог и вслух сказал:

— Я не отдаю тебе право сборщика. Я не обещаю сохранить каждую доску. Я проверю договор и верну только то, что действительно должен.

Дом ответил скрипом. Дверь кладовой появилась на прежнем месте.

На её косяке проступила свежая зарубка — первая из тридцати.

Глава 3. Право сборщика

Утром к дому пришла женщина с пустыми руками.

Она остановилась за ветвью сорока, будто та была изгородью, и трижды позвала Яра по имени. На третий раз он вышел на крыльцо, застёгивая куртку. Ночь он провёл над копиями межевых записей, которые Лада всё-таки принесла после полуночи, и теперь буквы плыли перед глазами тонкими чёрными корнями.

Женщину звали Тая. Она обжигала горшки в Глинцах и обычно пахла дымом, глиной и кислым молоком. Сегодня от неё пахло только сырой дорогой. Правый рукав платья был замазан по локоть, но глина лежала на ткани ровной коркой, словно Тая не заметила её и не попыталась стереть.

— Где кругляш? — спросила она.

— Какой?

— Медный. Отцовский.

Яр посмотрел на её руки. Пальцы были целы, ногти коротко срезаны, ожог на запястье старый. Никакой раны, из-за которой мастер мог потерять ловкость.

— Что ты отдала?

— Ничего я не отдавала. Ровняльщик взял.

Из дома вышла Мара. Она успела поставить тесто и несла на ладонях муку. Увидев Таю, она молча отступила к двери.

— Когда? — спросил Яр.

— Позавчера. Я обещала ему двенадцать чашек за гладкую глину. Отдала двенадцать. Он сказал, одна треснула, значит, счёт не закрыт. А ночью полез в сарай и забрал ровную руку.

— Ты видела, как он забрал?

Тая подняла ладонь и провела ею по воздуху. Движение вышло плавным, но в конце кисть дёрнулась. Женщина поморщилась.

— Попробуй, — сказала она и протянула Яру кусок глины, завернутый в мокрую тряпицу.

На крыльце уже стоял гончарный круг. Тая привезла его на тачке и оставила у колодца, но Яр не заметил. Он перенёс круг под навес, налил воды в плошку. Тая села, толкнула нижний камень ногой. Глина завертелась. Её пальцы уверенно поднимали стенки будущего кувшина, выжали шейку, но когда понадобилось выровнять край, правая рука ушла в сторону. Кувшин смялся.

Тая ударила ладонью по мокрому комку.

— Я помню всё, — сказала она. — Сколько воды, как нажать, когда снять. А рука будто спорит со мной.

— Ровняльщик назвал срок дополнительной чашки?

— До первого мороза.

— Цену за просрочку?

— Сказал: заберу ровно то, чего не хватает посуде.

— Ты повторила?

— Я повторила, что отдам двенадцать целых чашек до первого мороза. Они были целые, когда он забрал. Одну он сам уронил.

Яр вернулся в дом и снял медный знак с крюка над отцовским столом. Кругляш был размером с небольшое яблоко, тяжёлый, тёплый даже зимой. На одной стороне пересекались две дороги, на другой была выбита раскрытая ладонь. Через отверстие проходил ремешок, потемневший от пота трёх поколений Невелей.

Мара смотрела, как сын надевает знак на шею.

— Игнат ходил к Ровняльщику прошлой осенью, — сказала она.

— За чьим умением?

— Не спросила.

— Ты никогда не спрашивала.

— Потому что он возвращался злой. Ты тоже сейчас не похож на человека, который хочет беседовать за завтраком.

Яр взял книгу расписок, три чистые дощечки и короткий железный нож. Ножом ничего не резали. Он был нужен, чтобы поднимать край печати, не касаясь её пальцами.

Лада ждала у межевого кола. За ночь она вбила ещё два, соединила их шнуром и привязала к каждому клочок красной ткани. Ветка срока стояла рядом. На ней оставалось двадцать девять листьев.

— Ухожу в Глинцы, — сказал Яр.

— Я с тобой.

— Там не межа.

— Зато спорный договор. Если ты будешь взыскивать умение, нужен свидетель не из твоего дома.

Тая тихо фыркнула.

— Раньше Невелям хватало самих себя.

— Раньше многое считалось достаточным, — ответила Лада и свернула мерный шнур.

До Глинцов шли через перелесок. Тая торопилась и дважды пыталась срезать дорогу, но Яр возвращал её на широкую тропу. После вчерашнего он не хотел принимать от леса ни одного удобного поворота, пока не услышит цену. На развилке белела корка хлеба. Лада наклонилась, однако Яр удержал её за плечо.

— Не трогай.

— Я хотела посмотреть.

— Посмотри глазами.

— Очень точное правило.

— И бесплатное.

Тая оглянулась на них.

— Вы теперь вместе работаете?

— Нет, — одновременно ответили Яр и Лада.

Глинцы стояли на рыжей земле. Почти в каждом дворе сушились горшки, трубы печей дымили с рассвета, а вдоль дороги лежали черепки вместо щебня. У мастерской Таи собралась половина улицы. Люди расступились, увидев медный знак, но никто не поздоровался.

Старик Берич, делавший свистульки, сплюнул в канаву.

— Невель пришёл забирать то, что лес уже забрал.

— Пришёл вернуть Таино, — сказал Яр.

— Так твой отец тоже говорил.

— Что он забрал у тебя?

Берич спрятал левую руку за спину.

— Не твоё дело.

— Пока не попросишь вернуть — не моё.

Толпа загудела. Тая распахнула мастерскую. Внутри на полках стояли сотни чашек: белые, красные, чёрные после коптящего обжига. На средней полке Яр увидел пустое место и обломки на полу. Рядом в глине отпечатался узкий след, похожий на след босой детской ступни.

— Не подметала? — спросил он.

— После него ничего не трогала.

Яр присел. Осколки лежали наружной стороной вверх. Если чашка упала с полки, часть должна была повернуться глазурью к полу. Он поднял железным ножом самый крупный кусок. На внутренней стороне тянулась светлая царапина.

— Чем ты проверяешь чашки?

— Ногтем и кольцом. Целая звенит.

— А это?

Тая постучала кольцом по осколку.

— Трещина была до падения. Тонкая. Могла не заметить.

— Ты обещала целые чашки.

— Целые. Но он не сказал, что одна плохая, когда принимал. Поставил все на полку, пересчитал и велел повторить, что долг закрыт.

— Ты повторила?

— Да.

Лада раскрыла дорожную книгу.

— Кто слышал?

Из толпы шагнула девушка в кожаном фартуке, ученица Таи.

— Я. Он сказал: «Двенадцать получил, счёт ровен». Тая повторила: «Счёт ровен». Потом мы ушли за дровами. Когда вернулись, чашка лежала разбитая, а хозяйка уже не могла закончить кувшин.

— Имя?

— Ежа.

Лада записала показание и дала девушке прочесть. Ежа долго водила пальцем по строкам, потом поставила знак ногтем, испачканным охрой.

Ровняльщика позвали, выставив у двери кривой сосуд. Тая взяла вчерашний смятый кувшин, поставила на порог и трижды ударила по нему деревянной палочкой. С первого удара из леса донёсся треск. Со второго трещины на кувшине сомкнулись. С третьего сосуд поднялся на тонких глиняных ногах.

Он был ростом Яру по пояс. Туловище напоминало большой горшок, голова — перевёрнутую чашку без лица. Руки состояли из связанных прутьев, обмазанных глиной. В правой он держал прозрачный комок, внутри которого двигались Тайны пальцы: не настоящие, а светлые, быстрые, безошибочно ровняющие невидимый край.

— Просрочка взыскана, — сказал дух голосом, похожим на скрежет камня по кругу. — Сосуд треснул. Обещано двенадцать целых.

Яр поднял медный знак. На перекрёстных дорогах проступил красный отблеск.

— Яр Невель, хранитель счёта между шестью поселениями и младшими духами Леса Мен. Покажи расписку.

Ровняльщик повернулся к нему боком.

— Невель уже проверял моё право.

— Какой Невель?

— Игнат.

— Игнат умер. Знак у меня.

Дух раскрыл глиняную ладонь. В ней лежала пластинка, тонкая, как высохший лист. Яр не взял её. Лада поддела край ножом и развернула к свету.

Условия были выдавлены аккуратно: двенадцать целых чашек за гладкую глину, срок до первого мороза. Ни слова о залоге, ни слова о праве проверить посуду после принятия. Внизу стояли два отиска — Таи и Ровняльщика. Поперёк них тянулась свежая трещина.

— Ты принял двенадцать? — спросил Яр.

— Принял.

— Назвал счёт ровным?

— Назвал.

— После этого разбил чашку?

— Чашка разрушилась по своей слабости.

— После исполнения обмена.

— Слабость существовала раньше.

— Ты видел трещину, когда принимал?

Горшок-голова медленно наклонился.

— Видел.

По толпе прошёл сердитый шёпот. Тая шагнула к духу, но Яр выставил руку.

— Почему принял?

— Игнат Невель установил обычай: недостаток, обнаруженный после счёта, взыскивается умением должника, если недостаток существовал до счёта.

— Покажи эту расписку.

— Обычай не записан в каждой расписке.

— Значит, Тая его не повторяла.

— Она знала, что чашка должна быть целой.

— Она знала цену обмена. Не знала цену твоего молчания.

Яр вытянул знак перед собой. Медь потяжелела и потянула ремешок вниз. Открытая ладонь на обратной стороне нагрелась.

— Залог взят без названного права и после подтверждённого исполнения. Возвращай.

Ровняльщик прижал прозрачный комок к груди.

— Обычай хранителя равен условию.

— Только для тех, кому обычай назван и кто его принял.

— Игнат взыскивал так двадцать три года.

— Я не Игнат.

— Знак тот же.

Дух сказал это спокойно, и слова ударили точнее обвинения. Люди у дверей замолчали. Берич достал из-за спины левую руку. Два его пальца были прямыми и неподвижными, хотя старик пытался согнуть их.

Яр вспомнил отца за этим же знаком. Игнат возвращался из Глинцов поздно, ставил на стол мешок с оплатой и никогда не рассказывал, кто заплатил. «Если я принёс больше, значит, они задолжали больше», — отвечал он Маре. Яру тогда было шестнадцать, и такой ответ казался достаточным.

— Знак тот же, — сказал Яр. — Решение моё. Верни ровную руку.

Он перевернул кругляш раскрытой ладонью к духу и назвал вслух то, что взыскивал: не Тайны пальцы, не память, не всякую ловкость, а умение выравнивать край глиняного сосуда. Потом назвал основание: долг исполнен и принят до изъятия. Наконец назвал срок возврата: сейчас, при свидетелях.

Ровняльщик повторять не стал.

— Я не заключаю обмен.

— И я не предлагаю. Я исполняю старое право сборщика.

Красный отблеск на знаке стал ярче. Прозрачный комок дёрнулся в руке духа, словно хотел выскользнуть. Ровняльщик сжал прутья. По его туловищу побежала трещина.

— Твоё право происходит от общего пути, — проскрежетал он. — Общий путь потребован назад. Через двадцать девять листьев знак станет куском меди.

— До тех пор он действует.

— Ты взыскиваешь с меня, пользуясь тем, что твой род не вернул лесу.

— Да.

Признание далось тяжелее, чем Яр ожидал. Ему хотелось добавить оправдание: пока право его, он применит его во благо; отец поступал хуже; Тая не может ждать. Но ни одно из этих слов не изменило бы происхождения знака.

— Сегодня я пользуюсь им, — продолжил он, — чтобы вернуть взятое без условия. Если это создаёт мой долг перед владельцами общего пути, запиши его отдельно и назови имена тех, кому я должен. Тайного умения ты не удержишь.

Медь обожгла грудь сквозь рубаху. Ровняльщик разжал руку.

Прозрачный комок поплыл к Тае. Она не отступила. Свет вошёл в правую ладонь, пробежал по пальцам и исчез под ногтями. Тая вскрикнула и прижала руку к фартуку.

— Проверь, — сказал Яр.

Она села за круг. Ежа бросила на камень свежую глину, плеснула воды. Тая толкнула круг ногой и начала поднимать сосуд. Движения сперва были робкими. Потом пальцы вспомнили себя: стенки стали тоньше, шейка сузилась, край лёг под ладонь ровным кольцом. Тая остановила круг и долго смотрела на кувшин.

— Моё, — сказала она.

— Возврат исполнен, — записала Лада.

Ровняльщик не ушёл. Он подобрал осколок чашки и вставил в трещину на груди. Кусок прирос, но цвет остался другим.

— Недостаток не исчез, — произнёс дух. — Мне передали треснувшее.

— Ты мог отказаться до принятия, — ответил Яр. — Мог потребовать другую чашку. Теперь можешь попросить Таю заменить её добровольно. Без залога, которого не было в расписке.

Все посмотрели на гончаршу. Она провела мокрым пальцем по краю нового кувшина.

— Я отдам целую, — сказала она. — Не потому, что он вправе был брать руку. Потому что обещала двенадцать целых и одна была плохая.

— Назови срок, — потребовал Яр.

— До завтрашнего заката.

— И цену?

— Никакой новой цены. Я заменяю плохую чашку, он возвращает черепки и не требует больше ничего по старой расписке.

Ровняльщик повторил условия. Тая повторила следом. Ежа и Лада засвидетельствовали соглашение.

— Вот так выглядит ровный счёт, — сказала Тая духу.

Тот повернул к Яру пустую чашу лица.

— Игнат говорил то же.

— Когда?

— Когда забирал лишнее.

Ровняльщик рассыпался грудой черепков. Они постояли на дороге, затем один за другим ушли в землю.

Люди не разошлись. Яр убрал знак под куртку и почувствовал, как взгляды следуют за медью. Раньше после удачного взыскания ему кивали, приносили хлеб, звали выпить. Сейчас никто не двинулся.

Берич подошёл первым.

— Мои пальцы, — сказал он. — Твой отец забрал их у печника. Потом отдал мне.

Яр не сразу понял.

— Зачем?

— Я задолжал лесу голос для свистулек. Игнат решил, что мои два пальца стоят дешевле голоса, и сделал замену. Только пальцы взял не мои. Печник просрочил дрова, вот с него и взыскал. Мне сказал: пользуйся год, пока не вернёшь голос. Я вернул. Пальцы остались такими.

Старик поднял левую руку. Неподвижные пальцы были не бесполезны: ими он придерживал глину, но согнуть не мог.

— Ты получил чужое умение? — спросила Лада.

— Не умение. Два пальца слушались, будто мои, пока я делал свистульки. А потом перестали. Печник умер три зимы назад.

— Есть расписка?

— Была у Игната.

За Беричем заговорили другие. Женщина потеряла чувство жара после сделки с Угольной Маткой; Игнат вернул его, но взял способность различать сладкое как плату за работу. Возчик получил обратно умение свистеть коням, зато лишился точного глаза на вес мешка. Двое утверждали, что отец Яра спас их от худшего. Трое молчали, пока соседи называли их имена. Каждый случай был отдельным, но во всех повторялось одно: цену работы назначал сборщик, и должник узнавал её после возврата.

Яр поднялся на перевёрнутый чан.

— По одному. Кто хочет проверки, придёт завтра к общинному дому с распиской или свидетелем. Я запишу каждый случай.

— А если расписки у тебя? — крикнул кто-то.

— Тогда найду.

— В доме, который через месяц заберёт лес?

— Через двадцать девять дней, — поправила Лада.

Люди заговорили громче. Яр спрыгнул на землю.

— Поэтому завтра, а не после срока. Я не обещаю вернуть всё. Не обещаю, что каждый обмен был неправильным. Обещаю проверить названные условия и то, что взяли на деле.

— Твой отец тоже проверял, — повторил Берич.

— Значит, проверите меня вы. Лада запишет решения отдельно. При каждом возврате будут два свидетеля, не считая меня.

Лада резко посмотрела на него, но спорить при людях не стала.

— И цену своей работы назовёшь заранее? — спросила Тая.

Яр по привычке хотел сказать, что шесть поселений платят сборщику общую долю и с отдельного должника он не берёт ничего. Но вспомнил мешки отца, появлявшиеся на столе без объяснений.

— За проверки до конца срока отдельной платы не беру. Общинная доля уже уплачена за этот месяц. Если понадобится дорога, товар или чужая работа, цену назовём до решения, и вы сможете отказаться.

— А если отказ значит остаться без рук? — спросил Берич.

На этот вопрос у Яра не было хорошего ответа.

— Тогда отказ не очень свободный, — сказала Лада.

Толпа стихла.

Яр посмотрел на неё. Лада держала книгу у груди, будто щит. Она не помогала ему выглядеть справедливым. Она называла слабое место вслух, когда все могли услышать.

— Верно, — признал он. — Поэтому сначала узнаем, кто и на каком основании держит залог. За незаконный возврат цены не будет. За законный — будем искать такую, после которой человек не останется без другого нужного умения.

— Красиво говоришь, — буркнул Берич.

— Завтра увидишь, как делаю.

На обратной дороге Лада долго молчала. Тая осталась готовить замену Ровняльщику, и они шли вдвоём. У развилки хлебная корка исчезла. На её месте лежала синяя нитка, завязанная тремя узлами.

Яр обошёл её по краю тропы.

— Ты назначил меня независимым свидетелем, — сказала Лада.

— Ты им уже была.

— Землемер — свидетель границ. Я не обязана разбирать долги.

— Откажись.

Она остановилась.

— Вот сейчас ты предлагаешь свободный отказ?

— Да.

— После того как назвал моё имя всей улице.

Яр тоже остановился. Ветки над ними шевелились без ветра.

— Я сделал то же, что они, — сказал он.

— Не совсем. Ты не забрал моё умение.

— Поставил тебя в положение, где отказ будет похож на трусость.

— Именно.

— Прости. Я объявлю, что ты не соглашалась.

Лада потёрла большим пальцем край книги.

— Не объявляй пока. Я буду записывать решения три дня. После трёх дней решу, продолжать ли. Условия: у меня остаётся своя копия; ты не прячешь расписки Невелей; я могу требовать отложить взыскание, если свидетелей мало или человек не понимает цену.

— Ты не можешь запретить мне действовать знаком.

— Тогда я не свидетель, а украшение.

Яр посмотрел в сторону дома. За деревьями виднелась крыша, и одна из белых балок казалась светлой полосой над тёмной стеной.

— Можешь потребовать паузу до следующего полудня, — сказал он. — Если залог не портится и человек не теряет из-за него еду, здоровье или кров. Дальше решение моё, но твой протест записывается рядом.

— Три дня, — повторила Лада. — И никакой платы.

— Ты работаешь.

— Я проверяю, можно ли с тобой работать. Это разное.

Они повторили условия. Свидетелем стала дорога, но Яр не стал произносить это вслух.

У дома Мара ждала их с отцовской книгой на столе. Не той, что прятал сам дом, а тонкой расходной тетрадью за последний год жизни Игната. Рядом лежал мешочек с медными стружками.

— Нашла в печной нише, — сказала она. — Ты спрашивал, откуда он приносил лишнее.

Яр раскрыл тетрадь. Первые страницы содержали знакомые записи: имя должника, дух, предмет обмена, срок, возвращённый залог. В последнем столбце стояла плата сборщику. Где-то мешок муки, где-то день работы, где-то медная монета. Потом обозначения изменились. Вместо вещей Игнат записывал коротко: «кромка», «верный глаз», «терпение руки», «голос на три песни».

— Он брал умениями, — сказала Лада.

— Не для себя. Знак не позволяет носить больше одного чужого залога.

— Тогда куда передавал?

Яр перевернул страницу. У каждой пятой записи стояла одна и та же метка: две дороги и маленькая ветвь между ними. Печать Перекрёстного Свидетеля.

Мара села напротив.

— Игнат говорил, что платит за спокойные дороги.

— Чем?

— Тем, что остаётся после честного счёта.

— После счёта ничего не должно оставаться.

— Я говорила ему это.

— И что он отвечал?

— Что лес всегда знает цену лучше человека.

Яр снял медный знак и положил на тетрадь. Кругляш закрыл две записи, но не печать духа. В Глинцах Ровнялыщик сказал правду: знак был тот же. Право, которым Яр вернул Таину руку, двадцать три года помогало отцу собирать умения, не названные в расписках, и передавать их дальше.

Из стены донёсся негромкий щелчок. Дверь кладовой исчезла. На её месте появилась узкая лестница вниз, которой утром не было.

— Сундук? — спросила Лада.

Мара побледнела.

Яр поднял лампу. На первой ступени лежала дощечка. На ней свежими буквами было вырезано: «Право сборщика — за право войти».

— Он снова торгуется, — сказала Лада.

— И снова просит слишком много.

Яр перевернул дощечку. На обороте не было ни срока, ни объяснения, кому перейдёт право. Только отпечаток домашнего ключа.

Он поставил лампу на пол и вслух произнёс:

— Не принимаю. Покажи полные условия или закрой дорогу.

Лестница осталась. Из темноты потянуло сухой бумагой и дымом. Дом рассчитывал, что любопытство окажется сильнее осторожности.

Яр захлопнул отцовскую тетрадь.

— Завтра будут люди, — сказал он. — До их прихода перепишем все случаи с печатью Свидетеля. Потом найдём, где отец держал принятые умения.

— А сундук? — спросила Мара.

— Подождёт.

— У нас двадцать девять дней.

— Поэтому я не отдам единственное право, которым могу вернуть чужое, за один быстрый ответ.

Он взял медный знак со стола. На открытой ладони проступила тонкая чёрная черта, которой раньше не было. Трещина шла от края к центру и останавливалась у пересечения дорог.

Дом тихо скрипнул, будто услышал решение. Лестница исчезла. Вернулась кладовая дверь.

Лада обмакнула перо и написала наверху чистого листа: «Проверка взысканий Игната Невеля». Ниже поставила дату и три имени: своё, Яра и Таи.

— Почему Тая? — спросил Яр.

— Первый человек, которому ты сегодня вернул право выбирать.

За окном ветвь срока шевелила листьями. Один из них пожелтел по краю, хотя до следующего полудня оставалось ещё несколько часов.

Яр придвинул тетрадь к свету и начал читать долги отца вслух.

Глава 4. Девочка, забывшая шить

К общинному дому пришли двадцать семь человек. Яр ожидал десятерых и приготовил десять дощечек. Остальных Лада записывала на оборотах старых объявлений, пока Олек бегал за бумагой.

Каждый принёс доказательство долга: расписку, обломок печати, имя свидетеля или вещь, которая перестала слушаться хозяина. На длинном столе лежали ножницы, не способные резать ткань в руках одной портнихи, сито, через которое мельник больше не различал хорошее зерно, ложка повара, потерявшего чувство соли. Люди говорили одновременно. Яр поднимал медный знак, требуя тишины, и каждый раз замечал чёрную черту на раскрытой ладони.

Первой он вызвал Таю. Она принесла целую чашку и осколки прежней. Лада прочла вслух условия нового соглашения с Ровняльщиком, затем записала, что замена приготовлена. Это было просто. Следующие дела простыми не оказались.

У Берича не сохранилось расписки. Печник, чьё умение досталось ему, умер. Двое свидетелей помнили сделку по-разному. Женщина, утратившая вкус к сладкому, добровольно назвала его платой Игнату, но утверждала, что согласилась только потому, что без чувства жара могла погибнуть у печи. Яр не мог объявить ясные слова недействительными одним желанием. К полудню у него болело горло, а решённых дел было всего два.

Тогда дверь распахнулась и в зал вошла девочка с иглой, зажатой в кулаке.

Ей было лет четырнадцать. За ней бежала дородная женщина в синем платке.

— Не показывай! — крикнула женщина.

Девочка разжала пальцы. Игла прошла сквозь кожу у основания большого пальца. Крови не было.

— Я не чувствую, куда она идёт, — сказала девочка. — И вынуть не могу.

Яр усадил её у окна. Лада зажгла вторую лампу, хотя день был светлым. Игла сидела неглубоко. Яр вытянул её щипцами и обработал прокол настоем горькой травы.

— Как зовут?

— Рута.

Женщина в синем платке прижала девочкину руку к груди.

— Я её мать, Сива. Она ученица у швеи Авы. Вчера шила, сегодня не умеет. Не виновата она.

— Я обещала, — перебила Рута. — Поэтому виновата.

Она рассказала, что нашла в лесу клубок золотистой нити. Нить сама ложилась в ровный шов и не путалась. Хозяин клубка, Тонкопряд, предложил пользоваться ею до новолуния за одну рубаху, сшитую без узлов. Рута согласилась. Утром оказалось, что ткань, которую дала Ава, вся в узелках: нити основы были связаны после разрыва. Рута не смогла закончить рубаху в срок, и Тонкопряд забрал умение шить до исполнения долга.

— Новолуние было ночью, — сказала Лада. — Почему пришли только сейчас?

Сива опустила глаза.

— Ава велела молчать. Сказала, сборщик возьмёт плату дороже умения.

По залу прокатился шёпот. Яр не стал искать, кто произнёс имя его отца.

— Где расписка?

Рута показала клубок. Под первым слоем нити скрывалась берестяная полоска с условиями. Всё было названо: предмет, срок, цена и залог. Девочка повторила слова без ошибки.

— Договор действителен, — сказал Яр.

Сива вскочила.

— Ей четырнадцать!

— Лес считает умение её собственным, если она уже зарабатывает им и понимает цену. Но есть другой вопрос. Тонкопряд знал об узлах в ткани?

— Ткань дала Ава, — ответила Рута. — Он её не видел.

Яр осмотрел рубаху. Каждый узел можно было распустить, однако без умения Рута не могла даже вдеть нитку. За неё долг исполнить было нельзя: цена требовала вещь, сшитую именно ею.

— Выход есть, — сказал Олек от двери. — Вернуть ей умение на час.

— Тонкопряд не согласится, — ответил Яр. — У него уже есть залог. Ему незачем рисковать.

— Тогда одолжить чужое, — сказала Лада.

Все посмотрели на неё.

— Умение можно передать временно, — продолжила она. — Если владелец согласится и будет названа цена. Рута закончит рубаху чужими руками.

— Не примет, — возразила девочка. — Он сказал: сшитую человеком, который взял нить.

— Значит, чужое умение не подойдёт, — сказал Яр. — Но можно отдать Тонкопряду другое умение в обеспечение, чтобы он вернул твоё до окончания работы.

В зале стало тихо. Люди отводили глаза. Все пришли вернуть своё; никто не хотел класть на стол другое.

Сива подняла руку.

— Возьми моё.

— Что ты умеешь?

— Варить мыло.

— Тонкопряду оно не нужно.

— А откуда знаешь?

— Потому что дух принимает умение, близкое к своему делу. Ему нужны пальцы, нить, узоры, счёт стежков.

Ава, швея, стояла у задней стены. Яр узнал её по связке ножниц на поясе. Она могла предложить своё мастерство, но смотрела в пол.

— Ткань дала ты? — спросил Яр.

— Я.

— Ты знала об узлах?

— Знала. Это учебная ткань. Хорошую ученице никто не даст.

— Почему не предупредила о сроке?

— Она не сказала про духа.

— Теперь знаешь. Дашь умение в залог?

Ава сжала ножницы.

— У меня шесть заказов. Если лишусь рук, чем кормить мастерскую?

Никто её не осудил. Даже Сива промолчала.

Яр посмотрел на медный знак. Право сборщика позволяло удержать залог у себя, пока стороны исполняют новый обмен. Игнат делал это часто. В книге встречались пометки «на хранении», но Яр до сих пор не принимал умение внутрь знака. Он мог бы вызвать другого мастера, потратить день на дорогу и всё равно услышать отказ.

— Я дам своё, — сказал он.

Лада закрыла книгу.

— Ты не умеешь шить.

— Именно поэтому подойдёт условие, которое примет Тонкопряд. Он вернёт Руте её мастерство, а я отдам способность, которую сочтёт равноценной на время работы.

— У тебя нет лишней способности.

— Ни у кого нет.

Они отправились к лесу впятером: Яр, Лада, Рута, Сива и Ава. Остальных Олек оставил ждать до вечера. Тонкопряд жил под тремя соснами, чьи ветви срослись в одну крышу. Между стволами висели нити — белые, рыжие, серые, тонкие, как волос. На каждой покачивалась вещь, которую кто-то не сумел закончить: половина рукавицы, один рукав, пояс без застёжки.

Рута положила клубок на плоский корень.

— Я пришла исполнить.

Нити натянулись. Из-за сосны вышел высокий дух в плаще из лоскутов. Вместо пальцев у него были костяные иглы. Лица не закрывала маска; лица просто не было, только перекрещенные стежки.

— Твои руки пусты, — прошелестел он.

— Верни умение до заката. Я закончу рубаху. Сборщик даст залог.

Тонкопряд повернулся к Яру.

— Какое умение?

— Назови равную цену.

— Умение связывать условия так, чтобы их принимали.

Лада шагнула вперёд.

— Это не ремесло. Это опыт и речь.

— Тогда умение читать расписку и видеть в ней недостающее.

— Слишком велико, — сказал Яр. — Ты удержишь шитьё ученицы на несколько часов, а просишь основу моей работы.

— Я рискую отпустить взысканное.

— Рубаха останется у тебя до исполнения. Предлагаю умение вязать дорожные узлы.

— Мало.

— Умение чинить кожаную обувь.

— Ты чинишь плохо.

— Но умею.

Нити вокруг них задрожали, словно дух смеялся.

— Добавь умение вдевать нить в иглу.

Яр покосился на Аву.

— Оно входит в шитьё?

— Не только, — ответила она. — Рыбаки вдевают леску, лекари зашивают раны. Отдельное действие.

— Срок до заката, — сказал Яр. — Ты возвращаешь Руте всё её умение шить. Я передаю умение чинить кожаную обувь и вдевать нить в иглу. Если Рута отдаёт рубаху без узлов до заката, ты возвращаешь мне оба умения и закрываешь прежний долг. Если не отдаёт, мои умения остаются у тебя до исполнения, но её шитьё всё равно возвращается ей: иначе исполнение невозможно.

— Принимаю.

— Повтори полностью.

Тонкопряд повторил. Яр повторил следом. Лада записала условия и подняла лист так, чтобы видели обе стороны.

Дух коснулся иглой медного знака. Из груди Яра вытянулись две тонкие нити. Боли не было. Он лишь почувствовал, что шнурок на сапоге развязался. Нагнувшись, Яр взял его концы и замер. Пальцы помнили движения, но узел не складывался. Он попытался ещё раз и получил бесполезную петлю.

— Это не оговорено, — сказал он. — Я отдал ремонт обуви, не умение завязывать шнурки.

— Шнурок порван, — ответил Тонкопряд. — Ты чинишь его узлом.

Лада осмотрела конец. Он действительно был надорван.

— Возьми мой сапог, — предложила она.

— Это ничего не исправит.

— Зато дойдёшь обратно.

Она перерезала свой запасной ремешок, продела его в сапог Яра и завязала. Яр хотел поблагодарить, но в этот момент Рута вскрикнула. Светлая нить вошла ей под ногти. Она схватила иглу, ловко продела золотистую нить и сделала первый стежок на рубахе.

Они работали прямо под соснами. Ава распускала узлы в ткани, Сива держала край, Рута шила. Яр следил, чтобы Тонкопряд не добавил нового условия. Лада отмечала время по тени.

Сначала всё шло быстро. Потом золотая нить начала укорачиваться. Чем ближе Рута подходила к последнему шву, тем меньше её оставалось. Ава пересчитала длину и побледнела.

— Не хватит на ворот.

— Хватало, когда он дал клубок, — сказала Рута.

— Ты распарывала?

— Дважды.

Тонкопряд качнулся в лоскутном плаще.

— Цена — рубаха, сшитая моей нитью. Нерадивость тратит материал.

Яр перечитал бересту. Там было сказано «за одну рубаху без узлов», но не было сказано, что вся рубаха должна быть сшита золотистой нитью.

— Возьми обычную, — сказал он Руте.

— Он не примет.

— Условие не требует его нити. Клубком ты пользовалась до новолуния; это предмет, который уже получила. Цена — рубаха без узлов. Чем она сшита, не названо.

Рута достала льняную нить. Продеть её сама она не смогла: чужой залог забрал это отдельное действие у Яра, а вместе с ним будто вырезал его из рук всех участников обмена. Ава потянулась помочь, но игла увернулась и упала в хвою.

— Он держит вдевание как часть нового залога, — поняла Лада.

— Условие требует вещь, сшитую человеком, который никогда не держал иглы, — прошепел Тонкопряд.

Яр резко повернулся.

— Этого не было в старой расписке.

— Это цена новой нити.

— Мы не просили новую нить.

Дух указал на оборванный золотой конец.

— Тогда рубаха останется незаконченной.

Солнце уже касалось верхушек. Яр поднял с земли иглу. Он не мог продеть нить, но никогда и не учился шить. Если принять условие, он должен будет сделать вещь сам, пользуясь Рутиными подсказками. Риск был очевиден: дух получит право удерживать его умения дольше.

— Назови всё, — потребовал Яр.

— Я даю нить, достаточную для воротника. Ты, никогда не державший иглы для шитья, заканчиваешь ворот рубахи до заката. Если закончишь, прежний и новый обмены исполнены. Если нет, я удерживаю твоё умение чинить обувь и вдевать нить до тех пор, пока эта рубаха не будет закончена твоими руками. Рутино умение остаётся у неё.

— Нить без скрытого свойства?

— Обычная льняная нить, уже продетая в иглу.

— Рута может говорить мне, что делать?

— Может. Касаться рубахи во время шитья не может никто, кроме тебя.

Яр посмотрел на солнце. Оставалось меньше часа.

— Принимаю.

Лада заставила обе стороны повторить условия. Тонкопряд протянул иглу с белой нитью. Яр сел на корень. Он знал, как выглядит ровный шов, но пальцы не понимали расстояния. Первый стежок вышел косым. Второй стянул ткань.

— Не спеши, — сказала Рута. — Введи иглу с изнанки. Оставь два ногтя между проколами.

— У меня ногти шире твоих.

— Тогда полтора.

Он распорол два стежка и начал снова. Игла колола пальцы. Сива подала напёрсток, но Тонкопряд напомнил, что никто не должен касаться рубахи; Яр велел положить его на камень и взял сам.

Солнце опускалось. Воротник был длиннее, чем казался. Яр перестал смотреть на тень и слушал только Руту: снизу вверх, протянуть, не затянуть, проверить складку. Она не могла помочь руками, зато замечала каждую ошибку.

На последней четверти нить снова подошла к концу.

— Хватит впрытык, — сказала Ава.

— Если не делать узел, — возразила Рута.

— Рубаха должна быть без узлов, — напомнил Яр.

— Закрепи тремя обратными стежками. Нить спрячь между слоями.

Он сделал так, как она велела. Последний стежок лёг, когда солнечный свет ещё держался на вершине самой высокой сосны. Яр поднял рубаху.

— Исполнено.

Тонкопряд проверял долго. Иглы-пальцы прошли по каждому шву, задержались на вороте, дёрнули край. Один стежок был длиннее других, но узлов не было.

— Исполнено, — повторил дух.

Две нити вернулись в грудь Яра. Он сразу понял это не по теплу и не по свету. Ремешок на сапоге показался ему задачей с очевидным решением. Он развязал Ладин узел и связал порванные концы так, чтобы они не натирали подъём.

Рута прижала ладони к ткани.

— Моё умение остаётся?

— Прежний долг закрыт, — ответил Тонкопряд. — Новый исполнен. Моего права на твоё шитьё нет.

— Повтори при свидетелях, — сказал Яр.

Дух повторил. Лада записала. Ава первой поставила знак под записью.

На обратном пути Рута шла рядом с Яром.

— Ты плохо шил, — сообщила она.

— Я заметил.

— Но слушал хорошо.

— Это у меня пока не забрали.

Она улыбнулась, затем стала серьёзной.

— Когда умение вернулось, я подумала, что больше никогда не возьму лесную нить. А теперь думаю: она правда хорошая. Если бы срок был длиннее...

— В следующий раз сначала покажи договор Аве. Или Ладе. Или мне.

— Ты можешь ошибиться.

— Могу. Поэтому лучше всем троим.

У общинного дома ещё горели окна. Люди ждали. Яр вошёл в зал с исколотыми пальцами и положил на стол законченную рубаху как доказательство закрытого долга.

— Сначала дела, где исполнение невозможно без возвращения залога, — сказал он. — Потом остальные.

Лада села рядом и раскрыла свою копию записей. Ава осталась у двери, хотя могла уйти. Рута взяла иглу и начала чинить разорванный рукав матери — медленно, без золотой нити, собственными руками.

Когда Яр поднял медный знак, чёрная трещина на нём стала длиннее. Теперь она пересекала одну из дорог.

Он увидел это, но не спрятал кругляш.

— Следующий, — сказал он.

Глава 5. Три условия вслух

К утру рубаха Тонкопряда висела над длинным столом общинного дома, как знамя маленькой победы. Люди, пришедшие на разбор долгов, то и дело касались её края. Ава сперва отгоняла любопытных, потом перестала. Рута сидела у окна и чинила рукав за рукавом. Каждый стежок она делала нарочито медленно, словно проверяла: пальцы по-прежнему принадлежат ей.

Яр не спал. Всю ночь они с Ладой разбирали расписки, отделяя названную цену от добавленной после, а к рассвету вернулись домой с двумя книгами и мешком спорных вещей. Трещина на медном знаке не стала длиннее, но теперь он ощущал её ребром большого пальца даже сквозь ткань кармана.

На кухне пахло остывшей кашей и сырым деревом. Мара оставила им еду под перевёрнутой миской, а сама ушла во двор кормить кур. На столе лежала береста из-под северного порога — старая расписка, из-за которой через двадцать восемь дней лес мог забрать землю и половину дома.

Лада разложила рядом свои инструменты: лупу в роговой оправе, костяную иглу, три пузырька с настоями и дощечку, покрытую тонким слоем светлой глины.

— Ты собираешься её проткнуть? — спросил Яр.

— Если понадобится.

— Не понадобится.

— Тогда не стой над рукой.

Он отошёл к печи, но через несколько мгновений вернулся. Лада подняла глаза.

— Сядь.

— Я не мешаю.

— Ты дышишь мне в висок и каждый раз тянешься к знаку, будто он ответит раньше бумаги.

Яр сел напротив. Лада взяла расписку за края. Береста была серой, почти серебряной, с тёмным рубцом вдоль сгиба. Текст шёл не строками, а тремя кругами вокруг оттиска перекрёстка. Наружный круг называл землю. Средний — срок. Внутренний — цену. На обороте стояли знаки свидетелей, среди них угловатая зарубка первого Невеля.

— Начнём не с чернил, — сказала Лада. — Начнём с того, что можно проверить без доверия ко мне.

Она подвинула расписку Яру.

— Прочитай предмет.

Он провёл взглядом по наружному кругу.

— Земля от северного межевого вяза до камня с рассечённой вершиной, от него к ручью и вдоль ручья до старого брода. Вместе со всем, что укоренится на земле и утратит назначение при отделении.

— Где северный вяз?

— Был под кухней. Три балки сделаны из него.

— Камень?

— Под лестницей. Ты нашла его край.

— Ручей?

— Засыпан, но русло осталось под огородом.

Лада положила на текст тонкую нить и повторила границу пальцем.

— Значит, предмет определён. Не «участок у дома», не «земля Невеля», а граница, которую можно восстановить. Теперь срок.

Яр прочёл средний круг:

— До возвращения общего умения находить выход тем, от кого оно принято, либо их признанным наследникам. После требования о возврате — тридцать полных дней.

— Неудобный срок, — сказала Лада. — Но понятный.

— Он может длиться вечность. Пока наследники не потребуют.

— Может. Однако это не делает слова скрытыми. Твой предок согласился пользоваться землёй, пока хранит чужое умение. Когда хранение кончается, кончается и право на землю.

— Если он действительно получил умение.

— До этого дойдём. Цена?

Яр прочёл внутренний круг, хотя уже знал его наизусть:

— Пользование землёй дано за сохранение общего пути и обязанность вывести признавших договор наследников по их первому требованию. При невозможности вернуть путь земля возвращается очищенной от всего укоренённого либо вместе с ним, если отделение лишает вещь назначения.

В печи осыпался уголёк. Дом отозвался тихим скрипом лестницы, будто слушал.

— Предмет, срок, цена, — сказала Лада. — Все три названы.

— И повтор?

— На обороте.

Она повернула бересту. Среди знаков свидетелей шла узкая строка: «Я, Вежень Невель, названное понял: землю беру на срок хранения общего пути; по требованию путь возвращаю, землю освобождаю или оставляю укоренённое».

— Он повторил условия, — сказала Лада. — Своей рукой.

— Ты ещё не доказала, что рукой Вежени.

— Верно.

Она не обиделась. Именно это раздражало сильнее всего. Если бы Лада защищала вывод из упрямства, Яр мог бы спорить с ней. Но она лишь переходила к следующей проверке.

На глиняную дощечку она перенесла оттиск одной буквы, прижимая бересту через влажную ткань. Потом достала из сумки лист, который Яр прежде не видел.

— Что это?

— Расчёт за мост между Бродами и Медовой Падью. Его нашли в старом дорожном сундуке прошлой весной. Вежень Невель расписывался за древесину.

— Почему он у тебя?

— Потому что я проверяла, кому принадлежал северный берег до переноса межи. Не всё, что связано с твоей семьёй, начинается с тебя.

Она положила подписи рядом. У обеих буква «В» была похожа на рога, а последняя черта имени уходила вниз и возвращалась к первой. Но в договоре рука дрожала меньше.

— Можно подражать почерку, — сказал Яр.

— Можно. Поэтому почерк — слабое доказательство. Смотрим материал.

Лада смочила ватный кончик в первом настое и коснулась свободного края старого расчёта. Береста потемнела, потом снова посветлела. На договоре произошло то же самое.

— Оба листа сняты в один сезон, — объяснила она. — Поздней весной, когда сок уже поднялся, но наружная кора ещё не загрубела. Теперь чернила.

Второй настой отозвался на них тусклым зелёным блеском.

— Железная вода, дубовый нарост и зола белого вяза. Так писали в Бродах до пожара. После пожара белых вязов у переправы не осталось, и в чернила стали класть ольху. Подделыватель мог знать состав, но ему понадобилась бы старая зола.

— В доме её достаточно.

— В доме — да. Поэтому это тоже не решает вопрос.

Она взяла костяную иглу и поддела край печати. Яр поймал её за запястье.

— Ты порвёшь.

— Не порву.

— Откуда мне знать?

— Никак. Можешь позвать другого землемера.

Её запястье было тёплым и неподвижным. Яр разжал пальцы.

— Продолжай.

Лада осторожно подняла тончайшую чешуйку засохшей смеси с края оттиска. Под ней обнаружилась не гладкая береста, а царапина, уходившая в текст.

— Печать ставили после записи, — сказала она. — Оттиск заполнил свежую борозду. Если бы старый чистый лист использовали сейчас, края царапины были бы светлее. Если бы меняли текст после печати, резец нарушил бы смесь сверху. Здесь порядок правильный: сначала условия, потом подтверждение.

— Печать могла быть старой.

— Могла.

— Береста могла быть старой.

— Могла.

— Чернила могли сварить по старому составу.

— Могли.

Яр встал и прошёл к окну. На дворе Мара сыпала курам зерно. Они толкались у её ног, не подозревая, что прямая линия, проведённая Ладой, делит курятник надвое.

— Ты хочешь сказать, что подделать можно всё по отдельности, но не всё вместе.

— Подделать можно и всё вместе. Вопрос — кто, когда и зачем это сделал. Эта расписка лежала под порогом не меньше семидесяти лет. Волокна вокруг неё сплющены весом стены. Чтобы подложить её позже, пришлось бы поднять северный венец, не оставив следов ремонта. Твоя мать такого не делала. Ты тоже.

— Дом умеет переставлять двери.

— Двери. Не каменный фундамент.

Дом ответил ударом в стене, как будто кто-то закрыл ставню, хотя все ставни были открыты.

— Ему не нравится твоя уверенность, — сказал Яр.

— Ему не нравится точность.

— Или он считает, что ты ошиблась.

— Тогда пусть скажет словами и назовёт цену разговора.

Лестница скрипнула второй раз. Нижняя дверь, ведущая в кладовую, чуть приоткрылась. За ней была темнота.

Яр подошёл, но на пороге остановился. Накануне дом уже предлагал доступ к сундуку Игната за право сборщика навсегда. Сейчас двери открывались слишком легко.

— Что ты предлагаешь? — спросил он вслух.

Дверь распахнулась. В кладовой вместо полка стояла узкая лестница вниз. Яр знал дом с детства: под кладовой был плотный грунт и старое русло ручья. Лестницы там быть не могло.

Лада встала рядом, но не переступила порог.

На первой ступени проступили буквы: «Ответ за вход».

— Ответ на какой вопрос? — спросил Яр.

На второй ступени появилась новая строка: «Что получил Вежень».

Яр почувствовал, как ладонь сама сжала медный знак. Дом предлагал именно то, чего им не хватало.

— Предмет назван, — тихо сказала Лада. — Ответ. Срок не назван. Цена «за вход» неясна: достаточно переступить порог или надо спуститься до конца? И неизвестно, что дом считает входом.

— Я вижу.

— Тогда спроси.

— Каков срок пользования ответом? — произнёс Яр. — Какова полная цена? Что именно считается входом? Кто имеет право принять договор от имени дома?

Буквы исчезли. Лестница сложилась, будто её дёрнули за дальний край, и за дверью снова оказались полки с банками.

— Не захотел повторить условия, — сказала Лада.

— Потому что я спросил слишком много.

— Потому что ответ стоил бы ему названной цены. Это не одно и то же.

Мара вошла с пустой миской и застала их перед кладовой.

— Опять он торгуется?

— Предлагал ответ о Вежене, — сказал Яр.

Миска выскользнула из её рук. Яр успел поймать её у пола.

— Что именно ты знаешь? — спросил он.

— Ничего нового.

— Ты семь лет знала о расписке. Дом уже показывал тебе эту лестницу?

Мара взяла миску, поставила на стол и долго вытирала руки о передник, хотя они были чистыми.

— После смерти Игната я искала его книгу. Дом открыл ход. На ступени было написано: «Книга за голос». Я не вошла.

— Ты говорила об этом.

— Не всё. Я спросила, на какой срок он возьмёт голос. Дом написал: «Пока книга у тебя». Я спросила, смогу ли читать книгу другим. Он написал: «Голос не нужен, чтобы читать глазами». Тогда я закрыла дверь.

Лада кивнула на бересту.

— Вы не согласились, потому что цена стала ясной?

— Потому что поняла её. До этого слова казались почти безобидными. Подумаешь, голос за книгу. Можно решить, что голос вернут через час. А оказалось — пока держу книгу. Если она нужна мне всю жизнь, я всю жизнь молчу.

Яр посмотрел на три круга старого договора. Он всегда требовал, чтобы условия называли вслух. Считал, что ясность защищает стороны. Мара услышала ясное условие и отказалась. Вежень услышал своё и согласился. Если расписка подлинная, нельзя было представить предка обманутым ребёнком или человеком, не понявшим слов.

— Ты знала, что подпись настоящая? — спросил он.

— Я знала подпись из дорожной книги. Игнат показывал её мне, когда учил разбирать старые записи.

— Почему не сказала?

— Потому что он велел никогда не признавать долг раньше, чем предъявитель докажет каждую букву.

— Это не ответ.

Мара села на край лавки.

— Потому что надеялась, что Лада найдёт ошибку. Потому что ты бы бросился спасать дом, ещё не узнав цены. Потому что Игнат всю жизнь говорил: Невель не отдаёт своё, пока существует хоть одна оговорка. Я не сразу поняла, что дом, может быть, не наш.

Последние слова она произнесла шёпотом. Дом затих. Даже доски под ногами перестали поскрипывать.

Яр хотел сказать, что дом построил его род, что Мара вырастила здесь сына, что могилы отца и деда стоят за садом. Всё это было правдой. Но ни одна правда не отвечала на вопрос, кому принадлежала земля и из чего дом получил способность вести людей нужными дверями.

— Подпись настоящая, — сказал он.

— Похоже на то, — ответила Лада.

— Не смягчай.

— Я не буду называть доказанным то, что пока подтверждено несколькими независимыми признаками. Но для земельного суда этого достаточно, если не появится равное доказательство подделки.

— Значит, настоящая.

Он сел и снова прочёл договор — теперь не выискивая лазейку, а стараясь услышать слова так, как их мог слышать Вежень. Земля за хранение общего пути. Возврат пути по первому требованию. Освобождение земли, если путь вернуть невозможно. Условия были суровыми, но не запутанными.

— Ложь не в расписке, — сказал Яр.

— Мы ещё не знаем, есть ли где-нибудь ложь.

— Есть молчание. Все рассказывали, что Вежень получил землю за спасение Бродов. Здесь написано иначе: лес спас людей, люди отдали общий путь, Вежень взял его на хранение и получил землю на срок. Он не спаситель. Он хранитель.

— Или должен был им быть.

— Вот что мы проверим.

Яр развернул чистый лист и написал три строки: «Что именно было передано Веженю? Кто передал? Что из обещанного он исполнил?»

Лада добавила четвёртую:

— «Кто теперь вправе требовать возврата?» Свидетель сказал о наследниках, но не назвал их.

— Потому что мы не спросили достаточно точно.

— Спросили. Он ответил, что признает их при предъявлении. Значит, либо они ещё не предъявили право тебе, либо он не обязан раскрывать их без согласия.

— Дух не имеет согласия. Имена — не умение.

— Имя тоже может быть предметом обмена, если через него человека можно найти.

Яр задумался. В первой расписке, найденной на затопленном столбе, Игнат засвидетельствовал принятие имён вместо платы. Тогда это показалось странной припиской. Теперь странность стала дорогой.

Он принёс лист с копией надписи. Лада поставила его рядом со старым договором.

— «Имена приняты вместо платы», — прочла она. — Чьи имена?

— На ограде были имена умерших. Олек переписал их на новые камни.

— А если придорожник брал не только работу? Ты спросил, что означает эта строка?

— Он сказал, что запись принадлежит Игнату, а не ему.

— Удобно.

— Для духа — законно. Он не обязан толковать чужую запись.

Лада взяла чистый лист и нарисовала шесть точек — по числу поселений. Соединила Броды с Ясенями, затем с Медовой Падью.

— Старые Броды сгорели. Люди разошлись по шести местам. Если право требования наследуют не семьи, а общины, нам понадобится свидетельство каждого поселения. Если семьи — списки тех, кто вышел из пожара. Имена на могильной ограде могут быть частью списка.

— Значит, начнём с дорожной книги Игната.

— Которую дом отдаёт за голос.

— Есть ещё общинные списки, мостовые расчёты, записи о земле.

— И живые старики.

— Самой старой должно быть больше ста лет.

— Тогда дети тех, кто слышал рассказ из первых уст.

Мара подняла голову.

— В Медовой Пади живёт Устина. Ей девяносто шесть. Её мать родилась в ночь пожара.

— Ты знала и это? — спросил Яр.

— Я знала Устину. Не знала, что тебе однажды понадобится возраст её матери.

— Почему семья оказалась в Медовой Пади?

— Потому что там не спрашивали, откуда пришли люди без вещей. Так говорила бабушка.

Лада отметила Медовую Падь двойным кругом.

— До неё день пути обычной дорогой. Через лес — меньше половины, если дорога согласится.

— Мы не будем покупать короткую тропу, пока не узнаем цену.

— Я и не предлагаю.

В дверь постучали. На пороге стоял Олек с дорожной сумкой и новой деревянной табличкой. На ней было вырезано одно имя — ещё без краски.

— В общинном доме ждут, — сказал он. — И у ветви на пороге опал ещё один лист.

Яр вышел. Над дверью торчала ветвь Перекрёстного Свидетеля. Два черешка были пусты, двадцать восемь листьев оставались зелёными. Пока они разбирали бумагу, срок продолжал идти.

Олек заметил расписку в руке Лады.

— Подделка?

Яр мог ответить «проверяем». Это было бы правдой и позволило бы ещё день не производить неприятное. Люди в общинном доме ждали именно такого ответа. Многие надеялись, что право духа исчезнет от найденной царапины или неверной печати.

— Нет, — сказал Яр. — По всем проверенным признакам расписка настоящая. Земля названа точно. Срок назван. Цена названа. Вежень повторил условия и поставил свой знак.

Олек опустил табличку.

— Значит, дом заберут.

— Значит, подделкой мы его не спасём. Но мы ещё не знаем, что Вежень получил и исполнил ли обязанность хранителя. И не знаем, кто вправе требовать возврата.

— Людям сказать?

— Я скажу сам.

В общинном доме было тесно. Пришли вчерашние просители, староста Глинцов, Ава с Руттой, двое плотников и несколько соседей, которых долг лесу пока не касался. На стене висела рубака без узлов. Под ней Лада положила расписку на чистое полотно.

Яр повторил то, что сказал Олеку. По залу прошёл гул.

— Три слова — и отдашь дом? — крикнул кто-то.

— Не три слова, — ответил Яр. — Три условия: что передано, на какой срок и за какую цену. И согласие того, кто принял. Если этого достаточно, чтобы требовать с вас долг, этого достаточно, чтобы требовать с меня.

— Твой отец не так говорил, — произнесла гончарша Тая.

— Знаю.

— Он находил оговорку.

— Иногда находил. Иногда добавлял свою после сделки. Я больше не буду путать одно с другим.

Староста Глинцов поднялся. Это был грузный мужчина с аккуратной седой бородой и пальцами, окрашенными ореховой морилкой.

— Дом нужен не одному тебе. Через него идут к шести дорогам. Если лес заберёт его, потеряем проходы. Ты имеешь право защищать общее имущество.

— Право защищать не даёт права объявлять подделкой настоящую расписку.

— Тогда выкупи землю. Сколько дух запросит?

— Он уже назвал цену: вернуть то, что получил Вежень, или освободить участок.

— Умение мёртвых нельзя вернуть.

— Мы не знаем, мёртвых ли. И не знаем, было ли оно только у Вежня.

Староста посмотрел на собравшихся, словно искал поддержку.

— Пока ты выясняешь, листья падают.

— Поэтому мне нужны списки семей из Старых Бродов, записи о переселении и все упоминания Вежня. Не пересказы о нём, а документы и люди, которые могут назвать источник рассказа.

— А наши долги?

— Разбор продолжится. Олек будет записывать обращения. Лада хранит вторую копию. Дела, где человек не может исполнить без залога, идут первыми.

Лада посмотрела на него. Вчера это правило возникло из случая Руты; сегодня оно стало общим. Яр заметил её короткий кивок и только тогда понял, что объявил порядок без предварительного спора с ней. Но на этот раз порядок касался его работы, не её согласия.

Рута подняла руку.

— Можно сказать?

— Говори.

— Когда Тонкопряд повторил условия, они были ясные. Но мне всё равно было страшно отказать. Нить уже была у меня, а срок кончался. Если Вежень повторил, это доказывает, что он понял. Но не доказывает, что у него был выбор.

В зале стихли даже те, кто шептался у двери.

Яр посмотрел на девочку. Вчера он сказал ей, что договор действителен, потому что она понимала цену. Сегодня её вопрос подтачивал самую основу его уверенности.

— Верно, — сказал он. — Поэтому нам нужно узнать не только что он получил, но и при каких обстоятельствах согласился.

Лада взяла его лист и вписала пятую строку: «Мог ли Вежень отказать?»

— Духи считают это условием? — спросила Тая.

— Пока нет, — ответил Яр. — Закон леса спрашивает, были ли названы предмет, срок и цена. Мы начинаем с этого. Но если нужда лишает человека возможности сказать «нет», одной ясности мало для справедливости. Я не могу отменить договор только потому, что теперь думаю иначе. Зато могу проверить исполнение до последней буквы.

Он поднял расписку так, чтобы её видели все.

— Сегодня мы подтвердили неприятную правду. Завтра пойдём за следующей.

После собрания Лада задержалась у двери. Люди расходились, унося просьбы собрать старые бумаги. Олек складывал записи. Рута сняла рубаху со стены, чтобы показать её соседским детям.

— Ты мог не говорить о подлинности до конца проверки, — сказала Лада.

— Проверка закончена настолько, насколько возможно без свидетеля из прошлого.

— Поэтому и мог. Все бы поняли осторожность.

— А я бы получил день, в который они надеялись бы на ошибку, которой нет.

— Ты впервые добровольно уменьшил себе пространство для торга.

— Не впервые.

— Вчера ты торговался за чужое умение. Сегодня — против собственного интереса.

Он хотел отшутиться, но заметил на её большом пальце тёмную полоску от старых чернил. Лада весь день держала расписку, способную лишить его дома, и ни разу не попыталась смягчить вывод ради него.

— Ты пойдёшь в Медовую Падь? — спросил Яр.

— Как землемер или как второй свидетель?

— Как человек, который замечает вопрос раньше меня.

— Это не условие договора.

— Нет.

— Тогда зачем мне идти?

Он задумался прежде, чем ответить. Вчера он назвал её свидетельницей перед толпой, поставив перед готовым решением. Сейчас старый способ был особенно соблазнителен: сослаться на необходимость, срок и общее дело.

— Потому что я тебе доверяю, — сказал он. — И потому что мне нужна помощь. Но отказ не изменит нашей трёхдневной договорённости и не сделает тебя виноватой в потере дома.

Лада провела пальцем по ремню сумки.

— Вот теперь условие достаточно ясное.

— Это согласие?

— Это замечание.

Она вышла на крыльцо, посмотрела на ветвь с двадцатью восемью листьями и только потом обернулась.

— Я пойду. При одном условии.

— Назови.

— До дороги мы найдём человека, который останется разбирать срочные долги вместо тебя. Если бросишь их ради своего дома, ты докажешь всем, что право сборщика было лишь семейной выгодой.

Яр посмотрел через окно на очередь у стола Олека. Среди людей стоял мельник Дорн. Он держал счётные косточки и переставлял их наугад: умение считать уже покинуло его пальцы.

— Принимаю, — сказал Яр. — Я назначу замену до полудня, и она начнёт работу при двух свидетелях. После этого мы идём в Медовую Падь за рассказом Устины и записями переселенцев.

— Повтори срок.

— До полудня сегодня.

— Цену.

— Ты идёшь со мной и проверяешь свидетельства независимо. Я оставляю срочные дела другому взыскателю, но отвечаю за его решения по возвращении.

— Предмет.

— Твоя помощь в дороге и проверке того, что получил Вежень.

Лада протянула руку.

— Принимаю.

Яр пожал её ладонь. Дом за их спинами переставил дверь: кладовая исчезла, а на её месте возник выход во двор. На пороге не было ни букв, ни цены.

На ветви Перекрёстного Свидетеля дрогнул зелёный лист, но остался держаться.

Глава 6. Тридцать зарубок

До полудня оставалось меньше двух часов, а мельник Дорн не мог сосчитать даже собственные пальцы.

Он сидел за длинным столом, подняв большой палец на левой руке и два на правой, смотрел на них с мучительным вниманием и говорил:

— Пять.

— Не угадывай, — просила жена.

— Я не угадываю. Я помню, что вот это было три. Только не понимаю почему.

Яру требовался человек, способный вести разбор вместо него, пока они с Ладой уйдут в Медовую Падь. Передать медный знак было нельзя. Но принимать заявления и просить духов о паузе мог любой, кого признают обе стороны.

— Ава, — сказал он.

Швея подняла голову.

— Нет.

— Я ещё не предложил.

— Ты смотришь так же, как вчера перед тем, как спросил о моём умении.

— Мне нужен человек, который знает цену невозможного срока.

— Знает Рута.

— Ей четырнадцать.

— Лесу это не помешало заключить с ней договор.

Рута перестала сматывать нить. Яр выдержал её взгляд.

— Поэтому я не стану поручать ей чужие долги. Она может свидетельствовать при матери. Решение примет взрослый, способный отвечать именем и имуществом.

Ава постучала ножницами по столу.

— А ты отвечаешь имуществом?

— Мастерской отца за южной стеной. Она вне спорной межи. И деньгами из платы за взыскания.

Он назвал сумму. Это была почти вся наличность, оставшаяся после весенних дорог.

— Если временный разбор причинит ущерб из-за неверно записанного условия, я возьму его в этих пределах. Духам ты ничего не обещаешь за меня. Только записываешь предложение и требуешь срок до моего возвращения.

— Когда вернёшься?

— Через три дня. Если дорога задержит — через четыре.

— Значит, срок четыре дня. Что получу я?

— Плату за четыре рабочих дня независимо от моего возвращения. И право отказаться от любого дела.

— Олек остаётся?

— Остаётся. Ведёт две копии. Вторая каждый вечер уходит в ящик землемеров.

Ава села рядом с Дорном.

— Что ты отдал?

— Счёт.

— За что?

Он сжал кулаки.

— Не помню порядок условий. Слова помню, порядок — нет.

— Тогда дело срочное и без сборщика не решается. Потребуем у духа не увеличивать залог четыре дня.

Она повернулась к Яру.

- Вот моё первое решение.
- Принимаю.
- Я ещё не согласилась работать.
- Тогда это было хорошее замечание.

Рута прыснула. Ава велела ему повторить предложение. Яр повторил: четыре дня, названная плата, право отказа, две копии, его ответственность, никаких обещаний от его имени. Ава добавила, что в отсутствие Яра не примет на хранение ни одного залога. Олек и Лада записали одинаковый текст.

- До заката четвёртого дня, — сказала Ава.
- До заката.

Над входом хрустнула ветвь. Зелёный лист оторвался и упал на порог.

- Третий, — сказал Олек.
- Второй день ещё не кончился, — возразила Лада.

Яр поднял лист. Он был свежим, но края уже бурели.

— Первый опал при вручении. Второй — на рассвете. Этот не должен был падать до завтра.

На улице заскрипели колёса. К дому подъехал помощник Лады Шень. Он снял с телеги длинный шест с выжженными делениями и уложил вдоль тени ветви.

— Вчера Лада велела измерить тень утром и в полдень, — объяснил он. — Сейчас она такая же, как в минуту требования.

— Значит, прошли вторые полные сутки, — сказала Лада. — Свидетель вручил требование позавчера перед полуднем.

— В расписке сказано тридцать полных дней после требования. День вручения не считается.

— Если срок идёт от минуты требования, каждый отрезок полон. Мы сами слышали календарные дни.

Яр разломил черешок. Внутри древесина была красной.

- Он заставляет нас считать так, как считает сам.
- Нет. Он показывает, что мы выбрали удобный смысл.

У дороги зазвенел колокольчик — сразу со стороны леса, площади и пустого переулка. На перекрёстке возник Перекрёстный Свидетель. Его плащ из полос коры не шевелил ветер. Вместо лица сходились четыре гладкие плоскости.

- Взыскатель требует толкования срока, — произнёс дух.
- Назови начало и конец без образа с листьями, — сказал Яр.

— Начало — миг, когда требование услышал хранитель права. Конец — тот же миг через тридцать оборотов солнца. Первый лист отметил начало, следующие — завершённые обороты.

Лада нахмурилась.

— Тогда сейчас должны оставаться двадцать восемь. Один начальный и один за завершённый оборот.

- Землемерка считает верно.
- Их двадцать семь, — сказал Яр.
- Один снят рукой человека.

Все посмотрели на его ладонь. Проверяя черешок, Яр сорвал соседний лист вместе с ним.

- Я не хотел.
 - Намерение не возвращает последствие.
 - Но срок не сокращён?
 - Нет. Зарубка сделана рукой, не временем.
- Яр ожидал подвоха и едва не создал его сам.

— Значит, листья только знак. Взыскание наступит через тридцать оборотов независимо от их числа.

— Да.

Лада рассчитала последний день. Свидетель подтвердил, а Олек записал точный час по тени Шенева шеста.

— Теперь у нас не листья, а срок, — сказала Лада.

Яр протянул духу сорванный лист.

— Верни его.

— Отделённое не возвращается без нового обмена.

— Назови цену знака, который нельзя снять рукой.

На перекрёстке вырос побег. Он лёг на землю, и на коре проступили тридцать поперечных полос.

— Я дам зарубку на каждый завершённый оборот. Цена: до конца срока ни один межевой камень не будет сдвинут рукой Яра Невеля, по его приказу или с его согласия.

— Не соглашайся сразу, — сказала Лада.

— Что считается межевым камнем? — спросил Яр.

— Камень, поставленный или признанный свидетелями для обозначения земли старого договора.

— Сколько их?

— Шесть внешних и один внутренний.

— Камень под лестницей, — поняла Лада. — Я нашла четыре внешних. Пятый у старого русла, шестой мог уйти под сарай.

— Если камень сдвинет дом? — спросила она.

— Без приказа и согласия Яра условие не нарушено.

— Если его надо вынуть, чтобы спасти человека?

— Яр выберет между человеком и обещанием.

Дух не угрожал. Он оставил цену такой, какой назвал.

— Что произойдёт при нарушении? — спросил Яр.

— Зарубки исчезнут. Доступ к дорогам старого договора закроется. Срок останется.

— Какой доступ?

Побег разделился на шесть тонких корней. Каждый пополз к одной из дорог от площади.

— Пока обещание соблюдается, шесть дорог, которыми пользовался первый договор, откроются Яру и одному названному им свидетелю. Они ведут к местам, где сохранились следы обмена. Дороги не обязаны быть короткими. Они не дают пищи, защиты или возвращения. Лишь не скрывают направление.

Люди придвинулись ближе. Вот настоящая цена — путь к доказательствам. Дух предложил её только после вопроса о знаке. Он не скрывал условий, но и не дарил знания.

— Свидетелем будет Лада Ресна, — сказал Яр и тут же исправился: — Если согласится.

— Что будет, если я прекращу участие? — спросила она.

— Дороги останутся открыты Яру, — ответил дух, — но след без второго человека не будет достаточным доказательством передо мной. Замены нет.

— Я согласна при условии, что мои выводы не становятся собственностью Яра и мне не запрещено свидетельствовать против него.

— Условие совместимо с ролью. Принимаю.

Яр произнёс обещание полностью: до конца срока не двигать семь камней рукой, приказом или согласием; взамен получать зарубки и доступ для себя и Лады к шести дорогам; при нарушении потерять доступ, но не срок. Он отдельно повторил права Лады. Дух повторил каждое слово. Олек и Лада записали, Ава поставила знак третьего свидетеля.

Первая зарубка почернела. Шесть корней ушли под землю, а на дорогах проступили красные линии. Одна вела к лесу за кладбищем. Вторая — на тракт Медовой Пади. Третья упиралась в стену дома Яра. Четвёртая шла к старому руслу. Пятая — в Глинцы. Шестая тянулась на север, где не было селений.

— След обмена есть в доме, — сказал Олек.

— Мы знали.

— Теперь знаем, что Свидетель это признаёт.

— Почему дорога к Медовой Пади открыта сейчас? — спросил Яр у духа.

— Там сохранён след.

— Устина?

— Я не называю людей без обмена.

— Какова цена имени?

— Имя за имя.

— Чьё потребуешь?

— Того, кого ищу я.

Яр отказался. Имя могло стать дорогой к человеку, не желавшему быть найденным.

Свидетель исчез. Шень потянулся к побегу, но Лада остановила его.

— Поставим ограду на расстоянии шага.

— Она не станет межевым знаком? — спросил Олек.

— Нет, если письменно назовём её назначение: защищать счёт времени, а не обозначать землю.

Ава вернулась за стол.

— Срок до полудня выполнен. Замена найдена. Уходите, пока не сочинили ещё условие.

— Сначала Дорн, — сказал Яр. — Чтобы просить паузу, надо знать духа.

— Счётник Омутный, — ответил мельник.

Название вызвало шорох. Омутный жил у запруды и любил всё, что можно прибавлять: мешки, дни, шаги.

— Что ты получил?

— Лес пропустил обоз во время голода. Через воду, где мост смыло.

— Когда?

— Семь лет назад.

— Почему залог взяли сейчас?

— Срок наступал, когда в амбаре снова будет зерно на две зимы. Вчера засыпали последнюю меру.

— Цена?

— Каждая десятая мера из второго запаса. Я отдал. Омутный сказал, что мер меньше. Я стал считать — и счёт исчез.

— Залог был назван семь лет назад?

— Если ошибусь, отдам умение считать до исправления счёта.

— Ты мог отказаться? — спросила Лада.

Дорн ударил себя в грудь.

— И потерять людей за обозом? В Бродах ели кору.

Слова были ясны, цена названа. Но голод стоял третьей стороной, которой не требовалось ставить подпись.

— Олек передаст Омутному предложение, — решил Яр. — Четыре дня не увеличивать залог и принести исходную запись. Взамен зерно не трогают до разбора. Но распоряжаться им можешь только ты.

— Принимаю, — сказал Дорн. — Четыре дня ни меры не продам. Если Омутный согласится.

Олек записал и дал ему повторить. Впервые утром мельник не пытался считать. Он держался за смысл, который ещё принадлежал ему.

Яр собрал хлеб, сыр, две фляги, перевязочный холст и копии расписок. Лада взяла цепь и посох. Красная линия к Медовой Пади начиналась у побега и за домами сворачивала в орешник.

Мара догнала их у старого брода с плащом Игната.

— Не хочу его носить, — сказал Яр.

— Он держит дождь.

На внутренней стороне воротника Яр заметил вышитый узор — шесть дорог, сходящихся в точку.

— Ты видела?

— Конечно. До сегодняшнего дня это был просто узор.

— Игнат ходил этими дорогами, — сказала Лада.

— Или хотел, чтобы так думали.

Мара поправила ремень его сумки.

— Не позволяй дому вести тебя одного.

— Дом остаётся здесь.

Она посмотрела на красную линию.

— Он никогда не оставался.

За бродом след пересёк ручей там, где не было камней. Дно оказалось ровным, словно под илом лежали доски. У берега сапог Яра упёрся во что-то твёрдое. Под водой белел плоский камень с рассечённой вершиной — ещё один внешний межевой знак.

Красная линия проходила прямо под ним.

Чтобы идти по следу, камень надо было обойти. Чтобы измерить границу, хотелось поднять его. Яр не сделал ни того ни другого. Позвал Ладу и вслух повторил обещание.

— Не сдвигать рукой, приказом или согласием, — сказала она. — Осмотреть на месте можно.

Они вошли в воду по колени и очистили поверхность от ила, не меняя положения. На нижнем крае проступили слова, видимые только через воду: «Первая дорога открыта тем, кто оставит границу там, где она была».

Яр переписал их на восковую дощечку.

— Свидетель поставил дорогу так, чтобы мы нашли камень.

— Или первый договор провёл дорогу через свой знак. Не приписывай духу каждый поворот.

За ручьём лес перестал быть знакомым. Красная линия уходила между стволами, и на каждом шестом дереве чернела зарубка.

Яр насчитал пять, остановился перед шестой и усмехнулся.

— Что? — спросила Лада.

— Дорн отдал счёт, а я целое утро считаю чужие метки.

— Пока можешь — считай точно.

Они перешли ручей, оставив камень под водой. Позади первая зарубка на побеге оставалась чёрной. Впереди начиналась дорога, по которой однажды шёл Вежень Невель, неся чужое умение и договор, понятный до последнего слова.

Глава 7. Мельник без счёта

Красная дорога привела их обратно к мельнице раньше, чем Яр успел увидеть Медовую Падь.

За ручьём лес трижды поворачивал на восток, хотя солнце всё время оставалось справа. Потом между елями показалось колесо. Оно медленно вращалось в чёрной воде, цепляло лопастями пену, а за ним стояла Дорнова мельница — та самая, которую Яр оставил утром в Ясенях.

Только посёлка вокруг не было.

Вместо площади за амбаром начинался ельник. На месте дороги темнела заводь. Мельничная труба выпускала не дым, а мелкую муку, и белая пыль оседала на ветвях, как первый снег.

Лада остановилась у последней зарубки.

— Мы не вернулись, — сказала она.

— Это его мельница.

— Это место, где лес хранит след сделки. Не путай вещь со следом.

Яр подобрал с земли щепку и бросил в поток. Щепка прошла под колесом, вынырнула целой и поплыла вверх против воды.

— Счётник Омутный, — позвал он.

Колесо сделало ещё один оборот. На каждой лопасти проступила вырезанная цифра. Яр видел их и понимал по отдельности, но порядок ломался: после четырёх шло девять, за девятью — два, потом снова четыре.

Из двери вышел человек в мокром кафтане. Ростом он едва доходил Яру до плеча, зато рукава свисали почти до земли. Вместо пуговиц на них сидели круглые речные камешки. Лицо у духа было гладким, серым и блестящим, будто его только что вынули со дна. Рот обозначался тонкой трещиной.

— Сборщик пришёл взыскать чужое, — сказал Омутный.

— Пришёл разобрать спор.

— Спор возникает там, где две стороны считают по-разному. Дорн больше не считает. Значит, спор окончен.

— Ты принял просьбу о четырёх днях?

— Принял. Зерно останется в амбаре. Залог не увеличится. Я принёс исходную запись.

Дух вытянул рукав. С него потекла вода, и на ладонь выпала дощечка, обёрнутая промасленной кожей.

Яр не потянулся за ней.

— Какова цена чтения?

— Никакой. Она уже оплачена Дорном.

— Тогда положи на камень.

Омутный положил свёрток на жернов у двери. Лада проверила, нет ли под ним межевого знака, и только потом развернула кожу. Внутри лежали две тонкие дощечки, стянутые медной проволокой. На первой были вырезаны условия старой переправы. На второй — вчерашний подсчёт зерна.

Яр начал с первой.

Семь лет назад вода поднялась после трёхдневного ливня. Мост у Медовой Пади унёс поток. На восточном берегу остались три обоза ржи, а на западном — жители Бродов и Ясений, уже съевшие семенной овёс. Дорн попросил провести телеги через лес к мельнице, минуя разлив.

Счётник обещал дорогу, по которой пройдут все телеги, лошади и люди до последнего мешка. Дорн обещал отдать каждую десятую меру из второго полного запаса после голода. Если стороны не сойдутся в подсчёте, мельник отдаст умение считать до исправления ошибки.

Предмет был назван. Срок — тоже. Цена стояла прямо перед глазами.

— Кто повторил условия? — спросила Лада.

— Дорн, — ответил дух.

— Кто свидетельствовал?

Омутный указал на нижний край дощечки. Там темнели три знака: сам Счётник, Дорн и медный отпечаток Невелей.

Яр провёл пальцем рядом с отпечатком, не касаясь его.

— Игнат.

— Игнат Невель, носитель целого знака, — подтвердил дух.

— Он был при заключении договора?

— Он пришёл после того, как цена была названа, и до того, как Дорн повторил её.

— Что сказал мой отец?

— Что договор ясен, а десятая мера меньше цены погибших людей.

Яр слышал его голос так ясно, будто отец стоял за плечом. Игнат любил сравнивать любую плату с худшим исходом. За лечение — с могилой. За дорогу — с голодом. За крышу — с зимой. На фоне смерти всякая цена казалась малой.

— Дорн просил время подумать? — спросила Лада.

— Вода прибывала.

— Это не ответ.

— Он спросил, есть ли иная дорога. Я ответил, что известная мне сухая дорога требует обмена. Он спросил, можно ли заплатить после урожая. Я назвал второй полный запас. Он повторил.

— Мог он уйти без сделки?

— Я его не держал.

— А обоз?

— Остался бы за водой.

Лада записала ответы. Чернила на морозном воздухе лесного следа не сохли, и она посыпала строки мукой с подоконника.

— Покажи вчерашний счёт, — сказал Яр.

На второй дощечке Дорн отметил двести сорок мер в первом амбаре и сто восемьдесят в новом. По его записи вторым полным запасом считался новый: зерна хватало Ясеням на две зимы при обычном расходе. Десятая часть составляла восемнадцать мер. Ниже стояли зарубки о передаче: шесть мер осенью, шесть после первого снега и шесть вчера утром.

Омутный вырезал рядом свой итог: двадцать мер.

— Откуда ещё две? — спросил Яр.

— Второй запас равен двумстам мерам.

— Здесь сто восемьдесят.

— Здесь записано сто восемьдесят. Амбар вмещает двести.

— Договор говорит о запасе или о вместимости?

— О втором полном запасе.

Лада подняла глаза.

— Что значит «полный»?

— Достаточный для двух зим после голода.

— Так определено в договоре?

— Так объяснил Игнат Невель.

Яр перевернул первую дощечку. На обороте отец вырезал пояснение: полным считать запас, из которого поселение проживёт две зимы и сохранит семенное зерно. Ни слова о размере амбара.

— Значит, сто восемьдесят могут быть полным запасом, — сказал Яр.

— Если расход назван верно.

— Ты его оспариваешь?

— Я считаю двести мер.

— На каком основании?

Счётник поднял длинные рукава. Вода стекала с них в два одинаковых ведра.

— В Ясенях сорок дворов. Каждому нужно пять мер на две зимы и посев.

— Каждому двору или каждому человеку?

— Двору.

— Вдова с одним ребёнком тратит столько же, сколько семья из семерых?

— Двор есть двор.

— А дом гончарши, где печь топят зерновой мякиной, но хлеб делят с учениками?

— Двор есть двор.

Яр понял, почему число у духа получалось таким ровным. Омутный не ошибся в сложении. Он выбрал меру, которой удобно было складывать людей.

— Дорн считал по едокам, — сказала Лада, читая мелкие насечки. — Сто три взрослых пайка, двадцать семь детских. Семенной запас отдельно. Мельничная потеря отдельно. Он вывел сто семьдесят шесть и добавил четыре меры на порчу.

— Порча не ест, — возразил дух.

— Но от неё зерна становится меньше.

— Тогда надо лучше хранить.

— Это уже новое условие, — сказал Яр. — В старой записи нет обязанности хранить без потерь.

Трещина на лице Омутного чуть разошлась.

— Взыскатель защищает небрежность должника.

— Сборщик защищает записанную цену от удобных добавлений. И твоих, и его.

Он взял вторую дощечку. У каждой строки стоял знак Дорна, кроме одной: «четыре меры на порчу» были вписаны позже более тёмным резцом.

— Кто добавил это?

— Мельник вчера, когда мы спорили.

— До передачи последних шести мер или после?

— После.

— Значит, исходный расчёт был сто семьдесят шесть. Десятая часть — семнадцать мер и ещё часть меры.

Омутный повернул голову.

— Назови часть.

Яр умел считать. Он знал ответ, но не назвал его. Если он решит спор вместо Дорна, мельник получит счёт милостью сборщика, а не по исполненному условию. Через год другой дух скажет, что Яр округлил в пользу человека.

— Я не сторона сделки. Пусть считают свидетели обеих сторон.

— Дорн отдал счёт. Моим свидетелем был Игнат Невель. Он умер.

— Тебе нужен живой человек, которого признаешь ты. Дорну — тот, кого признает он.

— Я признаю носителя целого знака.

Яр вынул медный знак. Трещина после спора с Тонкопрядом пересекала дерево Невелей от корней до нижней ветви.

— Целого знака больше нет.

— Тогда нет признанного свидетеля.

Дух протянул руку к дощечкам, но Лада прижала их мерной цепью.

— Ты обещал паузу на четыре дня и исходную запись, — сказала она. — Мы ещё читаем запись.

— Землемерка не умеет считать зерно.

— Я умею измерять вместимость амбара, площадь поля и число едоков. Но свидетельницей твоей стороны не стану. Я уже свидетельница Яра на дороге старого договора.

Красная линия под её сапогом вспыхнула ярче. Омутный увидел её и впервые отступил.

— Эта дорога не касается мельника.

— Тогда почему привела к твоему следу? — спросил Яр.

Колесо снаружи ударило по воде. Белая мука посыпалась с потолка.

— Здесь проходил первый договор, — ответил дух. — Вопрос о Дорне лежит поверх него, как свежая запись поверх старой.

— Мой отец был здесь с целым знаком?

— Был.

— И Вежень?

— Имя за имя.

Яр снова отказался от обмена. Теперь он знал хотя бы то, что след к Медовой Пади проходил через место старой мельницы, а Игнат пользовался им позднее. Этого было мало для дома и достаточно, чтобы не потерять направление.

— Вернёмся к Дорну, — сказал он. — Ты утверждаешь, что недополучил две меры. По его исходному счёту тебе причитается меньше восемнадцати. Он уже передал восемнадцать. Даже если убрать позднюю поправку на порчу, недоимки нет.

— Доля меры не была названа вещью, которую можно отдать.

— Поэтому Дорн округлил вверх.

— Он не назвал это округлением.

Яр перечитал зарубки о передаче. Дорн действительно просто отдал три раза по шесть. Не объяснил, что последняя мера покрывает дробный остаток. Для человека это было очевидно. Для духа очевидного не существовало.

— Если он вслух назовёт назначение лишнего зерна сейчас, примешь исполнение?

— Назначение вещи определяется при передаче.

— Ты спросил его тогда?

— Нет.

— Он сказал, что это плата по договору?

— Да.

— Значит, все шесть мер последней передачи приняты как плата. Ты не можешь после принятия объявить одну меру бесхозной только потому, что она мешает твоему счёту.

Омутный застыл. По рукавам перестала течь вода.

Лада медленно прочитала вслух строку о последней передаче: «Принял шесть мер в исполнение цены дороги». Под ней стояла круглая метка духа.

— Тут нет слов «пять мер и остаток», — сказал Омутный.

— Тут нет и слов «пять мер в плату, одну без назначения», — ответила Лада. — Ты принял шесть целиком.

Дух подошёл к колесу. Цифры на лопастях остановились. Теперь они шли по порядку, но после восемнадцати снова начинались с единицы.

— Ошибка была не в переданной цене, — сказал он. — Ошибка была в основании полного запаса.

— Тогда умение считать взято за другой спор, — сказал Яр. — Дорн обещал его, если ошибётся в подсчёте платы. Он не ошибся: отдал даже больше. Ты споришь с тем, как он определил запас, а это измерение нужды, не сложение мер.

— Он считал нужду.

— Нет. Он оценивал её. Считать можно то, что уже принято за единицу. Вы не договорились, считать ли двор, едока или заполненный амбар. Скрытое различие нельзя обращать в его залог.

Счётник провёл ладонью по лицу. Серая гладь пошла кругами, как вода от капли.

— Игнат сказал: сорок дворов.

Яр посмотрел на отцовскую приписку. Там стояло другое: поселение должно прожить две зимы и сохранить семена. Игнат мог позже подсказать духу удобный способ, но не вписал его в договор.

— Игнат не имел права менять условие после повторения, — сказал Яр.

— Он носил знак.

— Знак позволял взыскивать просроченное. Не позволял создавать долг.

— Он говорил иначе.

— Покажи запись.

— Он говорил.

— Значит, записи нет.

Впервые Яр произнёс это об отце без желания оправдать его или обвинить. Неважно, считал ли Игнат сорок дворов справедливой мерой. Он дал духу толкование, которого Дорн не слышал и не принимал. С этого вырос вчерашний спор.

Омутный поднял обе дощечки. Проволока между ними натянулась и зазвенела.

— Я верну счёт, если Дорн назовёт, какую единицу принял семь лет назад.

— Он не обязан помнить неназванное.

— Тогда договор не завершён.

— Договор завершён передачей восемнадцати мер, — сказала Лада. — Но спор о том, что считать полным запасом, останется. Его можно решить новым соглашением, без залога старого умения.

— Какой ценой?

— Никакой, — ответил Яр. — Ты возвращаешь то, что взял без наступления условия. После этого предлагаешь Дорну единицу подсчёта на будущее. Он может принять или отказаться.

Вода под колесом почернела. Лесная мельница дрогнула, будто её ударили изнутри. Яр положил медный знак на жернов. Трещина в нём была видна духу.

— Если не вернёшь, я признаю залог незаконным и заберу его по праву сборщика.

— Твой знак не цел.

— Но пока признаётся младшими духами. Проверим?

Он не хотел проверять. Если знак расколется здесь, они потеряют единственный быстрый способ возвращать умения. Если дух уступит лишь силе, главный вопрос останется тем же: Дорн заплатил потому, что мог выбрать, или потому, что за спиной стоял голод?

Омутный тоже не хотел проверки. Он смотрел на трещину, и цифры на колесе дрожали.

— Я верну залог не по твоему взысканию, — сказал он. — Я признаю, что условие его передачи не наступило.

— Назови причину полностью.

— Дорн не ошибся в сложении переданных мер. Основание полного запаса не было согласовано сторонами. Толкование Игната Невеля после заключения не стало частью договора.

— И что ты потребуешь за возврат?

— Ничего. Моё требование было излишним.

Лада записала признание. Омутный повторил его, приложил к воску мокрую ладонь и снял отпечаток в виде десяти расходящихся кругов.

Из-под мельничного колеса выкатился прозрачный шар величиной с яблоко. Внутри него летели зарубки, узелки, горсти косточек и пальцы, загигавшиеся один за другим. Яр поймал шар обеими руками. Тот оказался тяжёлым и тёплым.

— Дорн должен принять его сам, — сказал дух. — До этого он не считает.

— Ты пойдёшь с нами.

— Я не выхожу из своей воды.

— Тогда открой прямую дорогу к настоящей мельнице.

— Цена — назвать, сколько шагов она сбережёт.

— Мы не знаем.

— Тогда не можете оценить обмен.

— И не станем заключать его, — сказала Лада.

Они вернулись по красной линии. Лес попытался переставить зарубки: после третьей Яр увидел пятую, а четвёртая оказалась на обратной стороне того же ствола. Он не стал доверять счёту меток. Лада разматывала цепь на прямых участках и оставляла на ветках короткие нити, каждая длиной в ладонь. Нити ничего не обещали лесу и не обозначали землю; они лишь показывали, где уже прошёл человек.

К сумеркам показался ручей с белым межевым камнем. Они обошли его, не касаясь, и вышли к Ясеням со стороны кладбища.

У настоящей мельницы собралась половина посёлка. Дорн сидел на мешке, а перед ним стояли чашки, ложки, жернова для ручной крупы и три связки деревянных жетонов. Соседи пытались научить его считать заново.

— Один жетон — одна мера, — объяснял Олек.

— Я помню, — сердился мельник. — Только когда их становится вот столько, они перестают быть количеством. Как куча песка.

Ава держала исходную просьбу о паузе. Увидев Яра, она сначала спросила:

— Залог увеличился?

— Нет. Омутный признал излишнее требование.

Люди заговорили разом. Яр поднял прозрачный шар.

— Тихо. Дорн должен услышать условия возврата.

— Есть цена? — спросила жена мельника.

— Нет. Условие залога не наступило. Счётник возвращает умение без нового обмена.

Дорн протянул руки, но Яр не отдал шар.

— Сначала ты услышишь, что произошло. Ты передал восемнадцать мер. По твоему первоначальному расчёту требовалось меньше. Омутный считал по сорока дворам и получил двести мер запаса, но такая единица не записана. Отец подсказал её ему после договора. Ты её не принимал.

— Я считал рты, — сказал Дорн. — Не дома. Дом хлеба не ест.

— Именно. Ты ошибся только в одном: добавил порчу после спора, будто она была в первом расчёте.

Мельник опустил руки.

— Значит, всё-таки солгал.

— Поправил запись в свою пользу и не отметил поправку. Это неправильно. Но залог счёта был назван за ошибку в переданной плате. Плату ты передал с запасом. Омутный не может удерживать умение за другую провинность.

— А за поправку что будет?

— Мы сохраним обе версии дощечки. Если станешь заключать новое соглашение, дух вправе учитывать, что твоим записям нужен второй свидетель. Никакой дополнительной цены без твоего согласия.

Дорн посмотрел на жену, на амбар, на соседей.

— Отдавай.

— Повтори, что принимаешь.

— Собственное умение считать, взятое без наступления условия. Без новой цены. Старый договор исполнен восемнадцатью мерами. Спор о полном запасе не даёт Омутному права снова забрать счёт.

Яр передал шар. Тот растаял между ладонями Дорна, оставив на коже мелкие песчинки. Мельник зажмурился. Потом схватил связку жетонов и быстро разложил их рядами.

— Тридцать шесть, — сказал он. — Здесь тридцать шесть. И три чашки, четыре ложки, два ручных жернова.

Жена обняла его. Дорн сначала засмеялся, а потом отстранил её и побежал к амбару. Люди двинулись следом.

Внутри он пересчитал ряды мешков, проверил метки на балках и долго стоял, прижав ладонь ко лбу.

— Сто семьдесят девять, — сказал он наконец.

— В записи сто восемьдесят, — напомнил Олек.

— Один мешок мы открыли утром для печей.

Он нашёл зарубку, сделал новую рядом и передал нож Олеку.

— Пиши обе. И что мешок открыт сегодня.

Ава положила на бочку четыре гладких камня.

— Первый день паузы ещё идёт. Ты обещал не трогать запас четыре дня.

— Я не продам ни меры. Но могу ли молоть для Ясений?

Яр покачал головой.

— В предложении было «зерно не трогают». Не «не продают».

Дорн выругался. Соседи застонали: без мельницы хлеба хватало на два дня.

— Я думал, речь о продаже, — сказал мельник.

— А Омутный согласился с буквальными словами. Новый обмен уже заключён.

— Вот тебе ясные условия, — тихо сказала Лада.

Яр почувствовал, как победа съежилась. Они вернули счёт, но сами оставили посёлок без помола на четыре дня, потому что спешили защитить зерно. Утром фраза казалась достаточной всем троим.

— Что будет, если открыть уже смолотую муку? — спросил он Аву.

— Это не зерно.

— Сколько её?

Дорн пересчитал мешки.

— На два дня обычной еды. На четыре, если варить жидкую кашу и не печь белого.

— Значит, четыре дня проживём без нового обмена. Общий котёл у мельницы. Дети, больные и те, кто работает в лесу, получают обычную долю. Остальные — половину.

— Ты распоряжаешься нашей мукой? — спросил староста.

— Нет. Предлагаю. Решение за владельцами мешков.

Один за другим люди называли, сколько муки готовы внести. Олек записывал каждое согласие отдельно. Кто-то отказался. Яр не позволил толпе стыдить отказавшихся: право отказаться ничего не стоило бы, если за него наказывали всем посёлком.

Когда договорились о котле, небо уже потемнело. На площади почернела вторая зарубка побега. До взыскания дома оставалось двадцать восемь полных оборотов.

Дорн вышел проводить Яра и Ладу. У ворот мельницы он остановился.

— Семь лет назад я бы отдал Омутному не десятую меру, — сказал он. — Половину. Всё. Люди за рекой могли умереть.

— Поэтому ты согласился свободно? — спросила Лада.

— Я сам сказал «да». Никто мне рот не открывал. Но если бы я сказал «нет», пришлось бы потом считать могилы.

— Счётник не создал голод, — сказал Яр.

— Не создал. И дорогу дал настоящую. Все телеги прошли. Я ему благодарен. Только он торговался со мной в тот час, когда я не мог уйти.

Яр посмотрел на тёмное колесо. Договор оказался действительным. Дух исполнил обещание. Дорн получил спасительную дорогу и выплатил цену. Нельзя было объявить всё ложью лишь потому, что теперь цена казалась тяжёлой.

Но нельзя было и повторять отцовские слова: десятая мера меньше погибших людей. Такое сравнение позволяло брать сколько угодно, пока рядом стояло несчастье больше платы.

— Что изменило бы тот выбор? — спросил Яр.

Мельник подумал.

— Если бы цену назначали после переправы, когда обоз уже был в безопасности. Или если бы рядом был второй путь, пусть длиннее. Или если бы Омутный сказал: «Сначала проведу, потом при свидетелях решим, сколько это стоило». Тогда я мог бы спорить не над водой.

— Дух не обязан помогать без цены.

— Не обязан. Но и я не обязан называть торг свободным только потому, что сумел выговорить согласие.

Лада записала эту фразу дословно.

Перед домом Яра их ждала Мара. В руке она держала плащ Игната. Вышитая дорога от Медовой Пади потемнела, словно нитку намочили.

— Это случилось час назад, — сказала она.

Яр развернул подол. На второй из шести дорог проступил маленький знак колеса. Рядом показалась новая строчка, вышитая теми же стежками, что и старый узор: «С нуждой не торгуются до спасения».

— Отец этого не писал, — сказал Яр.

— Конечно нет. Я вышивала плащ для него. Этой строки не было.

Лада коснулась нитки обратной стороной пера.

— След старого договора меняется, когда мы исправляем долг поверх него.

— Или дом показывает то, что хочет показать.

Яр не надел плащ. Он повесил его у побега с зарубками так, чтобы надпись видели все. Затем попросил Олека добавить к правилам временного разбора три вопроса.

Есть ли у принимающего возможность уйти без немедленного непоправимого вреда.

Можно ли сначала устранить опасность, а цену назвать после.

Есть ли время услышать независимого свидетеля.

— Это отменит договоры во время беды? — спросил Олек.

— Нет. Но заставит нас отличать помощь от торга над водой.

— А старый договор дома заключали над чем?

Яр посмотрел на красную линию, уходившую сквозь стену. Вежень получил землю, чтобы хранить общее умение находить выход. Если люди отдавали это умение, спасаясь от пожара, у них могло быть не больше свободы, чем у Дорна перед разливом.

— Это и узнаем в Медовой Пади, — сказал он. — Завтра пойдём по дороге снова. Сегодня запишем каждое слово Счётника и ни одного не улучшим за него.

В доме скрипнула дверь. Раньше она открывалась в кладовую. Теперь за ней виднелась чёрная вода и мельничное колесо, вращавшееся вверх против течения.

Яр закрыл дверь, не переступая порога.

Дом умел находить выход. Но всё настойчивее показывал цену, которую кто-то когда-то заплатил за это умение.

Глава 8. Тропа, которая торгуется

Утром дорога запросила сапоги Лады.

Она началась там же, за белым камнем в ручье, но теперь красная линия упиралась в заросли тёрна. Между колючими ветвями висела деревянная дощечка. Вчера её не было.

«До Медовой Пади — сапоги землемера».

Яр обошёл кусты справа. Красная линия свернула за ним, снова пересекла ручей и вернулась к дощечке. Слева за тёрном оказался овраг, которого не было на карте Лады.

— Мои сапоги или умение ходить в них? — спросила она у дороги.

Буквы дрогнули. Под первой строкой появилась вторая.

«Сапоги. Навсегда».

— Условия ясные, — сказал Яр.

— И я могу отказаться.

Лада села на валун, сняла левый сапог и внимательно осмотрела подошву. Потом надела обратно.

— Отказываюсь.

Тёрн раздвинулся. За ним открылась ровная тропа между берёзами.

— Оно уступило? — спросил Яр.

— Оно назвало цену за этот путь. Отказ открыл другой.

На новой дощечке было вырезано: «До Медовой Пади — сорок вёрст».

По обычной дороге от Ясеней было двенадцать.

— Вот настоящая цена отказа, — сказал Яр.

— Нет. Пока это только длина. Цена появится, когда узнаем, что потеряем за лишние двадцать восемь вёрст.

Она достала из сумки книжку в серой коже. На первой странице перечислила то, что они несли: два хлеба, сыр, сушёные яблоки, три фляги, перевязь, масло для фонаря, мел, четыре восковые дощечки. Рядом записала время: до заката десять часов. Затем попросила Яра назвать, сколько он проходит за час по лесу.

— Четыре версты, если сухо. Три, если след петляет.

— Мы не знаем, насколько он петляет. Считаем три.

— Значит, не дойдём сегодня.

— Дойдём завтра к полудню. Потратим лишний хлеб, масло и день срока дома. Ава останется с разборами дольше обещанного, если не вернёмся к четвёртому дню. Ей надо послать весть.

— Красная дорога может вывести нас к Пади быстрее надписи.

— Может. Но планировать надо по тому, что названо, а не по надежде на подарок.

Они прошли первую версту. Тропа была сухой и прямой. На следующем повороте стояла новая дощечка.

«До Медовой Пади — тридцать вёрст за умение Яра Невеля разжигать огонь».

— Навсегда? — спросил Яр.

«На десять дней».

Он умел разводить огонь под дождём, находить сухую сердцевину в мокром полене и беречь искру всю ночь. Десять дней без этого умения казались мелкой платой. В Ясенях хватало людей, которые разожгут ему очаг. Даже в дороге рядом была Лада.

— Принимаю, — начал он.

Лада ударила посохом по дощечке. Не сильно, но звук оборвал слово.

— Я не закончила.

— Ты уже решил. Я услышала.

— Сэкономим десять вёрст.

— Что случится, если дом после возвращения запрет мать за дверь, а ты не сможешь прожечь петлю? Если через три дня пойдёшь один и промокнешь? Если Ава пришлёт тебя к должнику, который заложил собственный огонь?

— Можно придумать тысячу бед.

— Поэтому и считают не беды, а последствия. Сколько времени даёт сокращение?

Она измерила тень. При их скорости десять вёрст означали немногим больше трёх часов. Умение просили на двести сорок часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.